

• большая детская библиотека •

ЖЮЛЬ ВЕРН

Пятнадцатилетний капитан

Большая детская библиотека

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

«Public Domain»

1878

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)

Верн Ж. Г.

Пятнадцатилетний капитан / Ж. Г. Верн — «Public Domain»,
1878 — (Большая детская библиотека)

ISBN 978-5-17-086973-2

«Пятнадцатилетний капитан» – один из самых известных романов Жюль Верна. Уже почти полтора века читатели отправляются в увлекательное плавание вместе с Диком Сэндом, пятнадцатилетним капитаном корабля. Мальчишке предстоит принимать сложные решения, отвечать за жизнь и свободу своей команды и проявить лучшие качества – смелость и решительность. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-17-086973-2

© Верн Ж. Г., 1878
© Public Domain, 1878

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	41
Глава девятая	46
Глава десятая	50
Глава одиннадцатая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Жюль Верн

Пятнадцатилетний капитан

© Власова А. Ю., ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

Глава первая Шхуна «Пилигрим»

Второго февраля 1873 года топсельная шхуна «Пилигрим» находилась под 43°57' южной широты и 165°49' западной долготы от Гринвича. Это судно, водоизмещением в четыреста тонн, снаряженное в Сан-Франциско для охоты на китов в южных морях, принадлежало богатому калифорнийскому судовладельцу Джемсу Уэлдону; командовал судном уже много лет капитан Халл.

Джемс Уэлдон ежегодно отправлял целую флотилию судов в северные моря, за Берингов пролив, а также в моря Южного полушария, к Тасмании и к мысу Горн. «Пилигрим», хотя и один из самых маленьких кораблей флотилии, считался среди них одним из лучших. Ход у него был отличный. Превосходная, очень удобная оснастка позволяла ему с небольшой командой доходить до самой границы сплошных льдов Южного полушария. Капитан Халл умел лавировать, как говорят моряки, среди плавучих льдин, дрейфующих летом южнее Новой Зеландии и мыса Доброй Надежды, то есть на гораздо более низких широтах, чем в северных морях. Правда, это только небольшие айсберги, уже потрескавшиеся и размытые теплой водой, и большая часть их быстро тает в Атлантическом или Тихом океанах.

На «Пилигриме» под началом капитана Халла, прекрасного моряка и одного из лучших гарпунщиков южной флотилии, находился экипаж из пяти матросов и одного младшего матроса. Этого было недостаточно, так как охота на китов требует довольно большого экипажа для обслуживания шлюпок и для разделки добытых туш. Но мистер Джемс Уэлдон, как и другие судовладельцы, считал, что гораздо выгоднее нанимать в Сан-Франциско лишь матросов, необходимых для управления кораблем. В Новой Зеландии не было недостатка в искусных гарпунщиках и матросах всех национальностей, безработных или просто сбежавших со своего корабля, всегда готовых наняться на один сезон. По окончании промыслового рейса они получали расчет и ждали на берегу следующего года, когда их услуги снова могли понадобиться китобойным судам. При такой системе судовладельцы экономили немалые суммы на жалованье судовой команды и увеличивали свои доходы от промысла.

Именно так поступил и Джемс Уэлдон, снаряжая в плавание «Пилигрим».

Шхуна только что закончила китобойную кампанию вблизи Южного Полярного круга, но в ее трюмах оставалось еще много места для китового уса и немало бочек, не заполненных ворванью. Уже в то время китовый промысел был нелегким делом. Киты стали редкостью: сказывались результаты их беспощадного истребления. Настоящие киты, которых на севере называют гренландскими, а на юге австралийскими, начали исчезать, и охотникам приходилось промысливать полосатиков¹, охота на которых представляет немалую опасность.

Так же вынужден был поступить на этот раз и капитан Халл, но он рассчитывал пройти в следующее плавание в более высокие широты – если понадобится, вплоть до Земли Клери и Земли Адели, открытых, как это твердо установлено, французом Дюмоном-Дюрвилем на «Астролябии» и «Зеле», хотя это и оспаривает американец Уилкс.

В общем, «Пилигриму» в этом году не повезло. В начале января, в самый разгар лета в Южном полушарии, то есть задолго до конца промыслового сезона, капитану Халлу пришлось

¹ Настоящие киты дают охотникам ворвань (китовый жир) – ценное промышленное сырье – и китовый ус. Китовый ус – роговые пластины – употребляется для изготовления разных изделий. Полосатики дают только ворвань; пластинки китового уса у них развиты слабо.

покинуть место охоты. Вспомогательная команда – сборище довольно темных личностей – вела себя дерзко, нанятые матросы отлынивали от работы, и капитан Халл вынужден был расстаться с ней.

«Пилигрим» взял курс на северо-запад, к Новой Зеландии, и 15 января прибыл в Вайте-мату, порт Окленда, расположенный в глубине залива Хаураки на восточном берегу северного острова. Здесь капитан высадил китобоев, нанятых на сезон.

Постоянная команда «Пилигрима» была недовольна: шхуна недобрала по меньшей мере двести бочек ворвани. Никогда еще результаты промысла не были столь плачевны.

Больше всех недоволен был капитан Халл. Самолюбие прославленного китобоя было глубоко уязвлено неудачей: впервые он возвращался с такой скудной добычей; и он проклинал лодырей, неповиновение которых сорвало промысел.

Напрасно пытался он набрать в Окленде новый экипаж: все моряки были уже заняты на других китобойных судах. Пришлось, таким образом, отказаться от надежды пополнить груз «Пилигрима», и капитан Халл собирался уже уйти из Окленда, когда к нему обратились с просьбой принять на борт пассажиров – с просьбой, на которую он не мог ответить отказом. В это время в Окленде находились миссис Уэлдон, жена владельца «Пилигрима», ее пятилетний сын Джек и ее родственник, которого все называли «кузен Бенедикт». Джеймс Уэлдон, который изредка посещал Новую Зеландию по торговым делам и привез туда их всех троих, предполагал сам же и отвезти их в Сан-Франциско. Но перед самым отъездом маленький Джек серьезно занемог, и его отец, которого призывали в Америку неотложные дела, уехал, оставив в Окленде жену, заболевшего ребенка и кузена Бенедикта.

Прошло три месяца – три тяжких месяца разлуки, показавшихся бедной миссис Уэлдон бесконечно долгими. Постепенно маленький Джек оправился от болезни, и миссис Уэлдон уже могла уехать. Как раз в это время в Оклендский порт пришел «Пилигрим».

Дело в том, что для возвращения в Сан-Франциско миссис Уэлдон должна была сначала поехать в Австралию, чтобы там пересесть на один из трансокеанских пароходов компании «Золотой век», которые ходили из Мельбурна к Панамскому перешейку через Папэ-эте. Добравшись до Панамы, она должна была ждать американского парохода, курсировавшего между перешейком и Калифорнией. Такой маршрут означал длительные задержки и пересадки, особенно неприятные для женщин, путешествующих с детьми. Поэтому, узнав о прибытии «Пилигрима», миссис Уэлдон обратилась к капитану Халлу с просьбой доставить ее в Сан-Франциско вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и Нэн – старухой негритянкой, которая вынынчила еще саму миссис Уэлдон. Совершить путешествие в три тысячи лье² на парусном судне! Но судно капитана Халла всегда содержалось в безукоризненном порядке, а время года было еще благоприятно для плавания по обе стороны экватора. Капитан Халл согласился и тотчас предоставил в распоряжение пассажирки свою каюту. Он хотел, чтобы во время плавания, которое должно было продлиться дней сорок – пятьдесят, миссис Уэлдон была окружена на борту китобойного судна возможно большим комфортом.

Таким образом, для миссис Уэлдон путешествие на «Пилигриме» представляло некоторые преимущества. Правда, плавание должно было несколько затянуться из-за того, что шхуне нужно было сначала зайти для разгрузки в порт Вальпараисо в Чили. Но зато после этого судну предстояло идти до самого Сан-Франциско вдоль американского побережья при попутных береговых ветрах.

Миссис Уэлдон, не раз делившая с мужем тяготы дальних странствий, была храбрая женщина, и море ее не пугало; ей было около тридцати лет, она отличалась завидным здоровьем и не боялась тягот и опасностей плавания на судне небольшого тоннажа. Она знала, что капитан Халл – отличный моряк, которому Джеймс Уэлдон вполне доверяет, а «Пилигрим» – надежный

² Лье – французская мера расстояния, равная на море 5,555 метра.

быстроходный корабль и на отличном счету среди американских китобойных судов. Случай представился, надо было им воспользоваться. И миссис Уэлдон им воспользовалась.

Разумеется, кузен Бенедикт должен был сопровождать ее.

Кузену было лет пятьдесят. Но несмотря на довольно солидный возраст, было бы неразумно выпускать его одного из дому. Скорее сухопарый, чем худой, не то чтобы высокий, но какой-то длинный, с огромной взлохмаченной головой, с золотыми очками на носу – таков был кузен Бенедикт. В этом долговязом человеке с первого взгляда можно было распознать одного из тех почтенных ученых, безобидных и добрых, которым на роду написано всегда оставаться взрослыми детьми, жить на свете лет до ста и умереть с младенческой душой.

«Кузен Бенедикт» – так его звали не только члены семьи, но и посторонние, и он действительно был из тех простодушных добряков, которые кажутся всеобщими родственниками, – кузен Бенедикт никогда не знал, куда ему девать свои длинные руки и ноги; трудно было найти человека более беспомощного и несамостоятельного даже в самых обыденных, житейских вопросах. Нельзя сказать, что он был обузой для окружающих, но он как-то ухитрялся стеснять каждого и сам чувствовал себя стесненным собственной неуклюжестью. Впрочем, он был неприхотлив, покладист, нетребователен, нечувствителен к жаре и холоду, мог не есть и не пить целыми днями, если его забывали накормить и напоить. Казалось, он принадлежит не столько к животному, сколько к растительному царству. Представьте себе бесплодное, почти лишенное листьев дерево, не способное ни приютить, ни накормить путника, но обладающее прекрасной сердцевиной.

Таков был кузен Бенедикт. Он охотно оказывал бы услуги людям, если бы в состоянии был оказывать их.

И его все любили, несмотря на его слабости, а может быть, именно за них. Миссис Уэлдон смотрела на него как на своего сына, как на старшего брата маленького Джека.

Следует, однако, оговориться, что кузен Бенедикт не был ни лентяем, ни бездельником. Напротив, это был неутомимый труженик. Единственная страсть – естественная история – поглощала его целиком.

Сказать «естественная история» – значит сказать очень многое.

Известно, что эта наука включает в себя зоологию, ботанику, минералогию и геологию.

Однако кузен Бенедикт ни в какой мере не был ни ботаником, ни минералогом, ни геологом.

Был ли он в таком случае зоологом в полном смысле этого слова – кем-то вроде Кювье³ Нового Света, аналитически разлагающим или синтетически воссоздающим любое животное, одним из тех глубоких мудрецов, которые всю свою жизнь посвящают изучению тех четырех типов – позвоночных, мягкотелых, суставчатых и лучистых, – на какие современное естествознание делит весь животный мир? Изучал ли этот наивный, но прилежный ученый разнообразные отряды, подотряды, семейства и подсемейства, роды и виды этих четырех типов?

Нет!

Посвятил ли себя кузен Бенедикт изучению позвоночных: млекопитающих, птиц, пресмыкающихся и рыб?

Нет и нет!

Быть может, его занимали моллюски? Быть может, головоногие и мшанки раскрыли перед ним все свои тайны?

Тоже нет!

³ Кювье, Жорж (1769–1832) – известный французский натуралист, прославившийся исследованиями ископаемых животных; предложил классификацию животного мира, разделив его на четыре основных типа; эта классификация, которой пользуется здесь Жюль Верн, теперь устарела.

Значит, это ради изучения медуз, полипов, иглокожих, губок, простейших и других представителей лучистых он до глубокой ночи жег керосин в лампе?

Надо прямо сказать, что не лучистые поглощали внимание кузена Бенедикта.

А так как из всей зоологии остается только раздел суставчатых, то само собой разумеется, что именно этот раздел и был предметом всепоглощающей страсти кузена Бенедикта.

Однако и тут требуется уточнение.

Суставчатых насчитывают шесть отрядов: насекомые, многоногие, паукообразные, ракообразные, усоногие, кольчатые черви.

Так вот, кузен Бенедикт, говоря научно, не сумел бы отличить земляного червя от медицинской пиявки, домашнего паука от лжесcorpiona, морского желудя от креветки, кивсяка от сколопендры.

Кем же был в таком случае кузен Бенедикт?

Только энтомологом, и никем иным!

На это могут возразить, что энтомология уже по самому смыслу слова⁴ есть часть естественной истории, занимающаяся изучением всех суставчатых. Вообще говоря, это верно, но обычно в понятие «энтомология» вкладывается более ограниченное содержание. Этот термин применяется только для обозначения науки о насекомых, то есть суставчатых беспозвоночных, в теле которых различаются три отдела – голова, грудь и брюшко – и которые снабжены тремя парами ног, почему их и называли шестиногими.

Итак, кузен Бенедикт был энтомологом, посвятившим свою жизнь изучению только класса насекомых.

Но не следует заблуждаться, думая, что кузену Бенедикту нечего было делать. В этом классе насчитывается не менее десяти отрядов:

прямокрылые (представители: кузнечики, сверчки и т. д.);
сетчатокрылые (представители: муравьиные львы, мошки);
перепончатокрылые (представители: пчелы, осы, муравьи);
чешуекрылые (представители: бабочки);
полужесткокрылые (представители: цикады, блохи);
жесткокрылые (представители: майские жуки, бронзовки);
двукрылые (представители: комары, москиты, мухи);
всесокрылые (представители: стилосы, или всесокрылы);
паразиты (представители: клещи);
низшие насекомые (представители: чешуйницы).

И среди лишь одних жесткокрылых насчитывается не менее тридцати тысяч разных видов, а среди двукрылых – шестьдесят тысяч⁵, поэтому нельзя не признать, что работы для одного человека здесь больше чем достаточно.

Итак, жизнь кузена Бенедикта была посвящена безраздельно исключительно энтомологии.

Этой науке он отдавал все свое время: не только часы бодрствования, но также и часы сна, потому что ему даже во сне неизменно грезились насекомые. Невозможно сосчитать, сколько булавок было вколото в обшлага его рукавов, в отвороты и полы его пиджака, в его жилет, в поля его шляпы. Когда кузен Бенедикт возвращался домой с загородной прогулки, всегда предпринимавшей с научной целью, его шляпа представляла собой витрину с коллекцией самых разнообразных насекомых. Наколотые на булавки, они были пришпилены к шляпе как снаряды, так и изнутри.

⁴ Слово «энтомология» составлено из греческих слов: «энтомос» – «разделенный, рассеченный» и «логос» – «наука».

⁵ Теперь известно более миллиона видов насекомых, разделяемых более чем на 30 отрядов, из них свыше двухсот тысяч разновидностей жуков.

Чтобы дорисовать портрет этого чудака, скажем, что он решил сопровождать мистера и миссис Уэлдон в Новую Зеландию исключительно ради того, чтобы удовлетворить свою страсть к новым открытиям в энтомологии. В Новой Зеландии ему удалось обогатить свою коллекцию несколькими редкими экземплярами, и теперь кузен Бенедикт с понятным нетерпением рвался назад, в Сан-Франциско, желая поскорее рассортировать драгоценные приобретения по ящикам в своем рабочем кабинете.

И так как миссис Уэлдон с сыном возвращались на «Пилигриме» в Америку, вполне понятно, что кузен Бенедикт ехал вместе с ними. Однако в случае какой-нибудь опасности миссис Уэлдон меньше всего могла рассчитывать на помощь кузена Бенедикта. К счастью, ей предстояло совершить лишь приятное путешествие по морю, спокойному в это время года, и на борту судна, которое вел капитан, заслуживающий полного доверия.

В продолжение трех дней стоянки «Пилигрима» в Вайтемае миссис Уэлдон успела сделать все приготовления к отъезду. Она очень торопилась, так как не хотела задерживать отправление судна. Рассчитав туземную прислугу, которую наняла в Окленде, она 22 января переехала на «Пилигрим» вместе с Джеком, кузеном Бенедиктом и старой негритянкой Нэн.

Кузен Бенедикт носил с собой в особой коробке всю свою драгоценную коллекцию. В этой коллекции, между прочим, хранилось несколько экземпляров жука стафилина – плотоядного жесткокрылого, с глазами, расположенными в верхней части головы, которого до этого времени считали присущим только новокаледонской фауне. Кузену Бенедикту предлагали захватить с собой ядовитого паука «катино», как его называют маори⁶, укус которого нередко бывает смертелен для человека. Но паук не принадлежит к насекомым, его место среди паукообразных, и, следовательно, он не представлял никакого интереса для кузена Бенедикта. А потому наш энтомолог пренебрежительно отказался от паука и по-прежнему считал самым ценным экземпляром своей коллекции новозеландского жука стафилина.

Конечно же, кузен Бенедикт застраховал свою коллекцию, не пожалев денег на уплату страхового взноса. Эта коллекция, на его взгляд, была дороже, чем весь груз ворвани и китового уса в трюме «Пилигрима».

Когда миссис Уэлдон и ее спутники поднялись на борт шхуны и настала минута сниматься с якоря, капитан Халл подошел к своей пассажирке и сказал:

– Само собой разумеется, миссис Уэлдон, вы принимаете на себя всю ответственность за то, что решили отправиться на «Пилигриме».

– Почему вы это говорите, капитан Халл? – спросила миссис Уэлдон.

– Потому что я не получил никаких указаний на этот счет от вашего супруга, а плавание на шхуне не может быть таким легким и приятным, как на пакетботе⁷, специально приспособленном для перевозки пассажиров.

– Как вы думаете, мистер Халл, – ответила миссис Уэлдон, – если бы муж был здесь, поколебался бы он совершить это плавание на «Пилигриме» вместе со мной и с нашим сыном?

– Конечно, нет! – ответил капитан. – Не больше, чем поколебался бы я сам. «Пилигрим» – отличное судно, хоть промысловый сезон в этом году у него был неудачный, и я уверен в нем так, как только может быть уверен в своем судне моряк, командующий им много лет. Я сказал вам это, миссис Уэлдон, только для очистки совести и чтобы еще раз повторить, что вы не найдете здесь тех удобств, к которым привыкли.

– Если все дело сводится к удобствам, капитан Халл, – возразила миссис Уэлдон, – это меня не тревожит. Я не принадлежу к числу тех капризных пассажиров, которые все время жалуются на тесноту каюты или однообразное меню.

⁶ *Маори* – коренное население Новой Зеландии.

⁷ *Пакетбот* – устарелое название почтово-пассажирского судна.

Миссис Уэлдон секунду смотрела на своего маленького сына, которого держала за руку, и закончила:

– Итак, в путь, капитан!

Капитан Халл тотчас же приказал поднять якорь. Через короткое время «Пилигрим», поставив паруса, вышел из Оклендского порта и взял курс к американскому побережью. Однако через три дня после отплытия с востока задул сильный ветер, и шхуна вынуждена была держать круто к ветру.

Поэтому 2 февраля капитан Халл все еще находился в широтах более высоких, чем ему хотелось бы, – в положении моряка, который намеревается обогнуть мыс Горн, а не плыть прямо к западному берегу Нового Света.

Глава вторая

Дик Сэнд

Погода стояла хорошая, и, если не считать задержки, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корабле не было ни юта, ни какой-то надстройки, а значит, не было и каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон должна была удовольствоваться крошечной каютой капитана Халла, расположенной на корме. Деликатную женщину пришлось уговаривать занять ее. В этой тесной каморке вместе с нею поселились маленький Джек и старуха Нэн. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна.

Сам капитан Халл перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но как известно, экипаж «Пилигрима» ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» – искусные и опытные моряки, державшиеся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, – жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвертый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон, жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были очень заинтересованы в прибыльности китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Правда, они трудились не жалея сил, так как судовая команда была весьма невелика, но зато их малочисленность увеличивала долю каждого при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, почти никакого дохода не ожидалось, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев с Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски.

После того как прежний кок сбежал в Окленде, Негоро предложил капитану свои услуги. Этот молчаливый, замкнутый человек сторонился товарищей, но дело свое знал неплохо. У капитана Халла, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро ни разу не заслужил ни малейшего упрека.

И все-таки капитан Халл сожалел, что не успел навести справок о прошлом нового кока. Внешность португальца и особенно бегающие глаза не очень нравились капитану, а прежде чем допустить незнакомца в крохотный, тесный мирок китобойного судна, необходимо все узнать о его прежней жизни.

Негоро на вид было около сорока лет. Среднего роста, худощавый, жилистый, черноволосый и смуглый, он производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Впрочем, Негоро никогда не говорил ни о своем прошлом, ни о своей семье. Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не знал и что он собирается делать потом. Он сказал только, что намерен списаться на берег в Вальпараисо. В общем, он был странный человек. И несомненно, не моряк. В морском деле он смыслил даже меньше, чем обычный кок, который значительную часть своей жизни провел в плаваниях.

Однако ни боковая, ни килевая качки на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Как бы то ни было, Негоро редко выходил на палубу. Весь день он обычно проводил в своем крохотном камбузе, большую часть которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в каморку, отведенную ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти матросов и одного младшего матроса.

Этот пятнадцатилетний младший матрос был сыном неизвестных родителей. Его еще совсем крошкой нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд – так звали его, – по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия же Сэнд служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, – о песчаной косе Сэнди-Хук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нем сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос, а глаза у него были темно-синие. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

Часто цитируют три слова незаконченного стиха Вергилия: «*Audaces fortuna juvat...*» («Смелым судьба помогает...»), но цитируют неправильно. Поэт сказал: «*Audentes fortuna juvat...*» («Дерзающим судьба помогает...»). Дерзающим, а не просто смелым почти всегда улыбается судьба. Смелый может иной раз действовать необдуманно. Дерзающий сначала думает, а затем действует. В этом тонкое различие.

Дик Сэнд был «*audens*» – дерзающий. В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца все то, на что обдуманно решился. Его оживленное и серьезное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети еще не задумываются о будущем, Дик осознал свое жалкое положение и твердо решил «выбиться в люди» своими силами.

И он добился своего: он был уже почти мужчиной в ту пору, когда его сверстники еще оставались детьми.

Ловкий, подвижный и сильный, Дик был одним из тех одаренных людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали – им все «с руки», с кем бы они ни шли – они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счет общественной благотворительности. Сначала его поместили в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года его стали учить чтению, письму и счету в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей.

В восемь лет врожденная страсть к морю заставила его устроиться юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны. На корабле он стал изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом – несомненно, в ожидании дальнейшей карьеры. Тот, кто с детства знает, что труд – закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь Библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдется воля и силы для свершения их.

Оказавшись как-то на борту торгового судна, где служил Дик, капитан Халл обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нем своему хозяину Джеймсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой

Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить ее, воспитывая его в католической вере, которой придерживалась семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно интересуясь географией и историей путешествий, в ожидании того времени, когда возраст позволит ему изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Но он не пренебрегал и практической подготовкой. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» – китобойный промысел – не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя – капитана Халла. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли упоминать, что юноша был глубоко предан семье Уэлдон, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Но легко можно представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плавание на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Дикку мать, а маленького Джека он любил, как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, пали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование. В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет – таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика. Она знала, что может спокойно доверить ему своего маленького Джека. Дик Сэнд обожал малыша, который льнул к нему, чувствуя, что «старший братец» любит его. В те долгие часы досуга, которые часты при плавании в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют никакой работы, Дик с Джеком были почти все время вместе. Молодой матрос развлекал ребенка, показывал ему все, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле. Миссис Уэлдон без страха смотрела, как Джек взбирался по вантам то на грот-марс, то на фор-брам-стенгу⁸ и стрелой скользил по снастям вниз на палубу. Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручонки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребенку, только что перенесшему тяжелую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щекам.

Вот так шла жизнь на борту «Пилигрима». Не будь восточных ветров, ни у экипажа, ни у пассажиров не было бы никаких оснований жаловаться.

Однако упорство восточного ветра не нравилось капитану Халлу. Ему никак не удавалось лечь на более благоприятный курс. К тому же он опасался на дальнейшем пути попасть в полосу штилей у тропика Козерога, не говоря уж о том, что экваториальное течение могло отбросить его дальше на запад. Капитан беспокоился главным образом о миссис Уэлдон, хотя и сознавал, что он неповинен в этой задержке. Если бы неподалеку от «Пилигрима» прошел какой-нибудь океанский пароход, направляющийся в Америку, он обязательно посоветовал бы своей пассажирке пересесть на него. Но к несчастью, «Пилигрим» отклонился так далеко на юг, что трудно было надеяться встретить пароход, следующий в Панаму. Да и сообщение между Австралией и Новым Светом через Тихий океан в то время не было столь оживленным, каким оно стало впоследствии. Капитану Халлу оставалось только ждать, пока погода не смиловится над ним. Казалось, ничто не должно было нарушить однообразия этого морского путешествия, как вдруг именно в этот день, 2 февраля, под широтой и долготой, указанными в начале этой повести, произошло первое неожиданное событие.

⁸ Грот-марс – площадка на задней мачте; фор-брам-стенга – третья часть составной передней мачты.

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг⁹ фок-мачты; оттуда им видна была вся палуба корабля и широкие просторы океана. Лишь часть горизонта за кормой заслонялась грот-мачтой, которая несла грот и топсель. Впереди над волнами поднимался острый бушприт с тремя туго натянутыми кливерами, похожими на три крыла неравной величины. Под ногами у них вздувалось полотнище фока, а над головой – формарсель и брамсель. Шхуна держалась возможно круче к ветру.

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и кренится довольно сильно на штирборт¹⁰, как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

– Что это?!

– Ты что-нибудь увидел, Джек? – спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

– Да, да! Вон там! – сказал Джек, указывая на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

– Справа по носу, под ветром, затопленное судно!

⁹ Салинг – горизонтальные брусья, соединяющие части мачты.

¹⁰ Штирборт – правая сторона (борт) судна.

Глава третья

Судно, потерпевшее крушение

Возглас Дика Сэнда всполошил весь экипаж. Свободные от вахты матросы бросились на палубу. Капитан Халл покинул свою каюту и пошел на нос.

Миссис Уэлдон, Нэн и даже невозмутимый кузен Бенедикт, облокотившись о поручни штирборта, старались разглядеть затонувшее судно, о котором сообщил Дик.

Только Негоро остался в каморке, которая служила на судне камбузом. Из всей команды лишь его одного, по-видимому, не заинтересовала эта неожиданная встреча.

Замеченный Диком предмет покачивался на волнах примерно в трех милях от «Пилигрима».

– Что бы это могло быть? – спросил один из матросов.

– По-моему, брошенный плот! – ответил другой.

– Может быть, там какие-нибудь несчастные терпят бедствие? – сказала миссис Уэлдон.

– Подойдем поближе – узнаем, – ответил капитан Халл. – Однако мне кажется, что это не плот, скорее это опрокинувшийся набок корпус корабля...

– Нет!.. По-моему, это гигантское морское животное! – заявил кузен Бенедикт.

– Не думаю, – сказал Дик Сэнд.

– А что это по-твоему, Дик? – спросила миссис Уэлдон.

– Я так же, как и капитан Халл, полагаю, что это накренившийся набок корпус судна, миссис Уэлдон. По-моему, я различаю даже, как блестит на солнце его медная обшивка.

– Да... да... теперь и я вижу, – подтвердил капитан. И, повернувшись к рулевому, он скомандовал: – Спускайся под ветер, Болтон, держи прямо на это судно!

– Есть, капитан! – ответил рулевой.

– Я остаюсь при своем мнении, – заявил кузен Бенедикт. – Бесспорно, перед нами морское животное.

– В таком случае это медный кит, – сказал капитан Халл. – Глядите, как он сверкает на солнце.

– Если это и кит, кузен Бенедикт, то во всяком случае мертвый, – заметила миссис Уэлдон. – Ясно видно, что он лежит без движения.

– Ну и что, кузина Уэлдон? – настаивал на своем ученый. – Это будет не первый случай, когда корабль повстречает спящего на воде кита!

– Так-то оно так, – сказал капитан Халл, – и все-таки перед нами не спящий кит, а судно.

– Посмотрим, – сказал упрямец.

Впрочем, кузену Бенедикту не было никакого дела до китов, и он променял бы всех млекопитающих арктических и антарктических морей на одно редкое насекомое.

– Одерживай, Болтон, одерживай! – крикнул капитан Халл. – Не надо подходить к судну ближе чем на кабельтов¹¹. Мы-то уж ничем не можем повредить этому бедняге, но мне вовсе не улыбается, чтобы он помял бок «Пилигриму». Приводи в бейдевинд¹²!

Легким движением руля «Пилигрим» был повернут немного влево.

Шхуна находилась еще на расстоянии доброй мили от накренившегося корабля. Матросы с жадным любопытством вглядывались в него. Быть может, в трюмах его хранится ценный груз, который удастся взять на «Пилигрим»? Известно, что за спасение груза с тонущего корабля выдается премия в размере одной трети его стоимости. Если содержимое трюма не повреждено

¹¹ *Кабельтов* – морская мера длины, равная 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

¹² *Бейдевинд* – курс под острым углом к встречному ветру.

водой, экипаж «Пилигрима» мог получить хороший «улов» и за один день возместить неудачу целого сезона.

Через четверть часа «Пилигрим» был уже в полумиле от плавающего предмета. Теперь не осталось никаких сомнений: это действительно был корпус опрокинувшегося набок корабля. Палуба его стояла почти отвесно. Мачты были снесены. От всех снастей остались лишь повисшие обрывки троса и порванные такелажные цепи. На скуле правого борта зияла большая пробоина. Шпангоуты и обшивка были вмяты внутрь.

– Этот корабль столкнулся с каким-то другим судном! – воскликнул Дик Сэнд.

– Да, несомненно, – подтвердил капитан Халл. – Просто чудо, что он тут же не затонул.

– Будем надеяться, что корабль, который налетел на это судно, снял с него всю команду, – заметила миссис Уэлдон.

– Да, будем надеяться, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – А может быть, экипажу после столкновения удалось спастись на собственных шлюпках, если протаранивший их корабль ушел от них, – такие случаи, к сожалению, бывают.

– Не может быть, капитан! Ведь это ужасная бесчеловечность!

– К сожалению, так бывает, миссис Уэлдон. Примеров сколько угодно. На этом корабле не осталось ни одной шлюпки, и надо полагать, что команда покинула его. Будем надеяться, что несчастных подобрало какое-нибудь встречное судно. Ведь добраться до суши на шлюпках отсюда почти невозможно – слишком велико расстояние до ближайших островов и тем более до Американского континента.

– Удастся ли когда-нибудь разгадать тайну этой катастрофы? – сказала миссис Уэлдон. – Как вы думаете, капитан Халл, остался на судне кто-нибудь из команды?

– Вряд ли, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – Нас бы уже давно заметили и подали какой-нибудь сигнал. Впрочем, мы сейчас проверим это... Держи немного круче к ветру, Болтон, приводи в крутой бейдевинд! – крикнул капитан, указывая рукой направление.

«Пилигрим» находился всего в трех кабельтовых от потерпевшего крушение корабля. Теперь уже не было никаких сомнений, что команда покинула его.

Внезапно Дик Сэнд сделал знак, чтобы все замолчали.

– Слушайте! Слушайте! – сказал он.

Все насторожились.

– Кажется, собака лает... – воскликнул Дик Сэнд.

С тонущего корабля действительно доносился собачий лай. Там, несомненно, была живая собака. Может быть, она не могла выбраться, потому что люки были закрыты. Во всяком случае, ее не было видно.

– Если даже там осталась одна лишь собака, спасем ее, капитан, – сказала миссис Уэлдон.

– Да, да! – воскликнул маленький Джек. – Надо спасти собачку! Я сам буду кормить ее. Она нас полюбит... Мама, я сейчас сбегаю принесу ей кусочек сахара!

– Не ходи, сынок, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон. – Бедное животное, должно быть, умирает с голоду и, вероятно, предпочло бы похлебку твоему сахару.

– Так отдай ей мой суп, – сказал мальчик. – Я могу обойтись без супа!

С каждой минутой лай слышался все явственнее. Между двумя кораблями было теперь менее трехсот футов. Вдруг над бортом показалась голова крупного пса. Положив передние лапы за фальшборт, он отчаянно лаял.

– Хоуик! – позвал капитан боцмана. – Ложитесь в дрейф и велите спустить на воду шлюпку.

– Держись, собачка! Держись! – кричал Джек; собака продолжала лаять, словно отвечая ему.

Паруса «Пилигрима» быстро были обрасоплены¹³ таким образом, что он оставался почти неподвижным в полукабельтове от потерпевшего крушение судна.

Шлюпка уже покачивалась на волне. Капитан Халл, Дик Сэнд и два матроса соскочили в нее.

Собака цеплялась за фальшборт, срывалась с него, падала на палубу и лаяла не переставая; но казалось, она лает не на быстро приближавшуюся шлюпку. Может быть, она звала пассажиров или матросов, запертых, как в тюрьме, на потерпевшем крушение судне?

«Неужели там есть живые люди?» – думала миссис Уэлдон.

Шлюпка была уже близка к цели, еще несколько взмахов весел, и она подойдет к круто поднявшемуся борту.

Собака снова залаяла. Но теперь она уже не призывала своим лаем спасителей на помощь. Наоборот, в ее голосе слышалась ярость. Всех удивила такая странная перемена.

– Что с собакой? – спросил капитан Халл, когда шлюпка огибала корму судна, чтобы пристать со стороны борта, погрузившегося в воду.

Ни капитан Халл, ни даже оставшиеся на «Пилигриме» матросы не заметили, что поведение собаки изменилось как раз в ту минуту, когда Негоро, выйдя из камбуза, появился на баке.

Неужели собака знала судового кока? Предположение совершенно неправдоподобное.

Как бы там ни было, но, мельком взглянув на бешено лающего пса и ничем не выразив удивления, Негоро только нахмурился, повернулся и ушел обратно в камбуз.

Шлюпка обогнула корму судна. Надпись на корме гласила: «Вальдек».

Наименования порта приписки не было. Но по форме корпуса и по некоторым особенностям конструкции, которые сразу бросаются в глаза моряку, капитан Халл понял, что корабль американский. Да и название подтверждало эту догадку. Корпус – вот все, что уцелело от большого брига водоизмещением в пятьсот тонн.

На носу «Вальдека» зияла широкая пробоина – след рокового столкновения. Благодаря тому что судно дало крен, пробоина поднялась над водой на пять-шесть футов, – вот почему «Вальдек» не затонул.

На палубе не было ни души.

Собака, оставив борт, добралась по наклонной палубе до открытого центрального люка и продолжала лаять, то опуская голову в люк, то оборачиваясь к приплывшим.

– Очевидно, этот пес – не единственное живое существо на корабле, – заметил Дик Сэнд.

– Я тоже так думаю, – сказал капитан Халл.

Шлюпка плыла теперь вдоль погруженного в воду борта.

Первая же большая волна неминуемо должна была пустить «Вальдек» ко дну.

На бриге все было начисто сметено. Торчали только основания грот-мачты и фок-мачты, не выше двух футов над палубой. Очевидно, мачты сломались при столкновении и упали за борт, увлекая за собой паруса и снасти. Однако в воде вокруг корабля нигде не было видно никаких обломков. Это могло означать только одно: катастрофа с «Вальдеком» произошла уже много дней назад.

– Если люди и уцелели после столкновения, – сказал капитан Халл, – то, вероятнее всего, они погибли от жажды и голода: ведь камбуз залит водой. Должно быть, на борту судна остались одни трупы.

– Нет! – воскликнул Дик Сэнд. – Нет! Собака не стала бы так лаять. Тут есть живые.

¹³ Обрасопить – поставить паруса в другое положение, поворачивая реи при помощи брасов (прикрепленных к ним снастей).

И он позвал собаку. Умное животное тотчас же соскользнуло в море и, едва перебирая лапами от слабости, поплыло к шлюпке. Когда собаку втащили в нее, она с жадностью бросилась – но не к сухарю, который протянул ей Дик Сэнд, а к ведерку с пресной водой.

– Бедный пес умирает от жажды! – воскликнул Дик Сэнд.

Ища, где бы поудобнее причалить, шлюпка отошла на несколько футов от палубы тонущего корабля. Собака, очевидно, решила, что ее спасители не хотят подняться на борт. Схватив Дика Сэнда за полу куртки, она опять громко и жалобно залаяла.

Движения собаки и ее лай были понятнее всяких слов.

Шлюпка подошла к крамболу¹⁴ левого борта. Матросы надежно закрепили ее, и капитан Халл с Диком Сэндом прыгнули на палубу одновременно с собакой. Не без труда, ползком, добрались они до центрального люка, зиявшего между двумя обломками мачт, и спустились в трюм.

В полузатопленном трюме не было никаких товаров. Бриг шел только под балластом; теперь песок пересыпался на левый борт и своей тяжестью удерживал судно на боку. Надежды на ценный груз не оправдались. Тут нечего было спасать.

– Здесь никого нет, – сказал капитан Халл.

– Никого, – подтвердил Дик Сэнд, пройдя в переднюю часть трюма.

Но собака на палубе продолжала заливаться лаем, как будто настойчиво стараясь привлечь внимание людей.

– Идем обратно, – сказал капитан Халл.

Они поднялись на палубу.

Собака подбежала к ним и стала тянуть их к юту¹⁵.

Они пошли за ней.

Там, на полу кубрика¹⁶, лежали пять человек – вероятно, пять трупов.

При ярком дневном свете, проникавшем через решетку, капитан Халл увидел, что это были негры.

Дик Сэнд переходил от одного к другому. Ему показалось, что несчастные еще дышат.

– На борт «Пилигрима»! Всех на борт! – приказал капитан Халл.

Были вызваны матросы, оставшиеся в шлюпке. Они помогли вынести потерпевших крушение из кубрика.

Это было нелегкое дело, но через несколько минут всех пятерых спустили в шлюпку. Никто из них не приходил в сознание. Однако можно было надеяться, что несколько капель лекарства и глоток другой воды возвратят их к жизни.

«Пилигрим» лежал в дрейфе всего в полукабельтове, и шлюпка быстро подплыла к нему.

При помощи каната, спущенного с грот-мачты, потерпевших крушение одного за другим подняли на палубу «Пилигрима». Не была забыта и собака.

– Ах, бедные! – воскликнула миссис Уэлдон при виде пяти распростертых неподвижных тел.

– Они живы, миссис Уэлдон! – сказал Дик Сэнд. – Они еще живы. Мы их спасем!

– Что с ними случилось? – спросил кузен Бенедикт.

– Подождем, пока они придут в себя, и тогда они сами расскажут свою историю, – ответил капитан Халл. – Но прежде всего надо дать им воды и влить в нее немножко рому. – И, повернувшись к камбузу, он громко крикнул: – Негоро!

При этом имени собака вся вытянулась, словно делая стойку, глухо заворчала, а шерсть у нее поднялась дыбом.

¹⁴ Крамбол – балка, с помощью которой поднимают якорь.

¹⁵ Ют – кормовая часть палубы судна.

¹⁶ Кубрик – жилое помещение для команды.

Кок не показывался и не отвечал.

– Негоро! – еще громче крикнул капитан Халл.

Собака яростно зарычала.

Негоро вышел из камбуза.

Не успел он сделать и шага, как собака прыгнула, стремясь вцепиться ему в горло.

Португалец отшвырнул ее ударом кочерги, которой он вооружился, выходя из камбуза.

Двое матросов схватили собаку.

– Вы знаете этого пса? – спросил капитан Халл у кока.

– Я?! – удивленно воскликнул Негоро. – И в глаза его никогда не видел!

– Странно! – прошептал Дик Сэнд.

Глава четвертая

Спасенные с «Вальдека»

Работоторговля все еще широко распространена во всей Экваториальной Африке. Хотя вдоль берегов континента крейсируют английские и французские военные корабли, суда работорговцев по-прежнему вывозят из Анголы и Мозамбика негров-невольников. Спрос на «черный товар» все еще велик во многих странах, увы – даже в странах цивилизованного мира.

Капитан Халл знал это.

Хотя та часть океана, где сейчас находился «Пилигрим», лежала в стороне от обычных путей невольничьих судов, капитан Халл решил, что негры, вероятно, принадлежали к партии рабов, которых «Вальдек» вез для продажи в какую-нибудь колонию на Тихом океане.

На «Пилигриме» спасенных негров окружили самым заботливым уходом. Миссис Уэлдон с помощью Нэн и Дика Сэнда поила их с ложки свежей водой, которой они, вероятно, были лишены несколько дней.

В конце концов вода и несколько глотков бульона вернули бедных негров к жизни. Один из них – на вид старик лет шестидесяти – вскоре уже был в состоянии отвечать на вопросы. Он говорил по-английски.

– Что случилось с «Вальдеком»? – спросил прежде всего капитан Халл. – Он столкнулся с другим судном?

– Дней десять тому назад, темной ночью, когда все спали, на нас налетел какой-то корабль, – ответил старый негр.

– Что случилось с командой «Вальдека»?

– Не знаю. Когда мы поднялись на палубу, там уже никого не было, сэр.

– Вы думаете, экипаж «Вальдека» успел перебраться на борт того судна, которое с вами столкнулось?

– Надо надеяться, что так оно и было, сэр.

– И это судно после столкновения не остановилось, чтобы подобрать пострадавших?

– Нет.

– Может быть, оно затонуло?

– О нет, – покачав головой, ответил старый негр, – мы видели, как оно уходило во мрак.

То же подтвердили и все спасенные с «Вальдека». Как бы ни казалось это невероятным, однако нередко случается, что капитан корабля, по вине которого произошло какое-нибудь ужасное столкновение, спешит поскорее скрыться, нимало не заботясь о несчастных, которых он обрек на гибель, и даже не пытается оказать им помощь!

Строгого осуждения заслуживает даже возница, наехавший на улице на прохожего и пытающийся скрыться, предоставляя другим заботу о жертве своей неосторожности. А ведь пострадавшему от несчастного случая на улице быстро окажут первую помощь. Что же тогда сказать о людях, которые бросают на произвол судьбы утопающих в открытом море? Такие люди позорят род человеческий!

И все же капитан Халл мог бы рассказать о многих случаях такой бесчеловечной жестокости. Он повторил миссис Уэлдон, что, как ни чудовищны подобные факты, они, к сожалению, не так уж редки.

Затем он продолжал расспросы:

– Откуда шел «Вальдек»?

– Из Мельбурна.

– Значит, вы не рабы?

– Нет, сэр, – живо ответил негр, выпрямившись во весь рост. – Мы жители штата Пенсильвания, граждане свободной Америки.

– Друзья мои, – сказал капитан, – знайте, что на борту «Пилигрима», американского корабля, никто не покусится на вашу свободу.

Действительно, пять негров, спасенных «Пилигримом», были из штата Пенсильвания. самого старого из них продали в рабство шестилетним ребенком. Из Африки его доставили в Соединенные Штаты. Но здесь он уже давно получил свободу. Младшие его спутники родились свободными гражданами, и никто из белых не вправе был назвать их своей собственностью. Они даже не знали того жаргона, на котором говорили негры перед войной¹⁷, жаргона, где не существовало спряжения и глаголы всегда употреблялись только в неопределенной форме. Эти негры покинули Америку свободными гражданами и свободными же гражданами возвращались обратно.

Они рассказали капитану Халлу, что нанялись работать на плантации некоего англичанина неподалеку от Мельбурна, в Южной Австралии. Они проработали там три года и, скопив денег, по окончании контракта решили вернуться на родину.

Они уплатили за проезд на «Вальдеке» как обыкновенные пассажиры и 5 января отплыли из Мельбурна. Спустя семнадцать суток, темной ночью, «Вальдек» столкнулся с каким-то большим пароходом.

Негры в это время спали. Их разбудил страшный толчок.

Когда через несколько секунд они выбежали на палубу, мачты уже рухнули за борт и «Вальдек» лежал на боку, но он не пошел ко дну, так как в трюм попало сравнительно немного воды.

Капитан и команда «Вальдека» исчезли: вероятно, одних сбросило в море, другие уцепились за снасти налетевшего парохода, который после столкновения с «Вальдеком» поспешил скрыться.

Пятеро негров остались на полустатонувшем судне в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами – на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены и истощены, но все же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой черной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались одни на разбитом корабле. Они не были в состоянии ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблем. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно далеко в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединенные Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компания. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было бы найти чем подкрепиться, оказался под водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» подоспел на помощь как раз вовремя.

¹⁷ Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов в Северной Америке между северными и южными штатами. Северяне официально отменили рабство негров.

В немногих словах Том рассказал все это капитану Халлу. Сомневаться в правдивости рассказа старого негра не приходилось. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасенное с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Мы имеем в виду собаку, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. В этой антипатии животного к судовому коку было что-то необъяснимое.

Динго – так звали собаку – был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии¹⁸. Однако капитан «Вальдека» приобрел Динго не в Австралии. Два года назад он нашел полумертвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы, «С» и «В», выгравированные на ошейнике, – вот все, что связывало собаку с ее прошлым, оставшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом новоголландской породы. Когда он вставал на задние лапы и вскидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистый, сильный, необычайно подвижный, он был из тех собак, которые не колеблясь нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку схватиться с медведем. Шерсть у Динго была густая, темно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъяренном состоянии могла оказаться опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приема, который оказал ему этот сильный пес.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том еще на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинять им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Таковы были те, кого сняли с потерпевшего крушение судна. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Халлу совершить доброе дело.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасенных с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был пройти вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у ее мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверены в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Халла. Действительно, они чувствовали себя в долгу перед ними, и хотя были лишь бедными неграми, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

¹⁸ Новая Голландия – старинное название Австралии.

Глава пятая

«С» и «В»

«Пилигрим» пошел дальше, стараясь, насколько возможно, держать курс на восток. Упорные штили немало беспокоили капитана Халла. В том, что переход из Новой Зеландии в Вальпараисо продлится лишнюю неделю или две, не было ничего тревожного. Однако эта непредвиденная задержка могла утомить пассажиров.

Но миссис Уэлдон не жаловалась и терпеливо сносила все неудобства плавания.

К вечеру этого дня, 2 февраля, корпус «Вальдека» исчез из виду.

Капитан Халл первым делом постарался поудобнее устроить Тома и его спутников. Тесный кубрик «Пилигрима» не мог вместить лишних пять человек, и капитан решил отвести им место на баке¹⁹. Впрочем, эти закаленные люди, привыкшие работать в самых трудных условиях, были непривередливы. Если бы держалась хорошая погода – а дни стояли жаркие и сухие, – они вполне могли провести там все время плавания.

Жизнь на судне, однообразное течение которой лишь ненадолго нарушила встреча с «Вальдеком», снова вошла в свою колею.

Том, Остин, Бат, Актеон и Геркулес очень хотели быть полезными. Но когда ветер дует все время в одном направлении и паруса уже поставлены, на судне почти нечего делать. Зато когда нужно было лечь на другой галс²⁰, старый негр и его товарищи спешили на помощь экипажу. И надо сказать, что, когда гигант Геркулес принимался тянуть какую-нибудь снасть, остальные матросы могли стоять сложа руки. Этот могучий человек, ростом в шесть футов с лишним, мог заменить собой лебедку.

Маленький Джек с восхищением смотрел, как работает великан. Он нисколько не боялся Геркулеса, и когда тот высоко подкидывал его в воздух, словно куклу, Джек визжал от восторга.

– Еще выше, Геркулес! – кричал он.

– Извольте, мистер Джек, – отвечал Геркулес.

– Я очень тяжелый?

– Да вы как перышко!

– Тогда подними меня высоко-высоко! Еще выше!

И когда Геркулес, захватив в свою широкую ладонь обе ножки Джека, вытянув руку, ходил с мальчиком по палубе, словно цирковой атлет, Джек глядел на всех сверху вниз и, воображая себя великаном, от души веселился. Он старался «сделаться тяжелее», но Геркулес даже не замечал его усилий.

Таким образом, у маленького Джека стало теперь два друга: Дик Сэнд и Геркулес.

Вскоре он приобрел и третьего – Динго.

Как уже упоминалось, Динго был необщительным псом. Несомненно, это свойство развилось у него на «Вальдеке», где люди пришли к нему не по вкусу. Но на «Пилигриме» характер собаки быстро изменился. Джек, очевидно, сумел завоевать сердце Динго. Собака с удовольствием играла с мальчиком, а ему эти игры доставляли большую радость. Скоро стало видно, что Динго был из тех собак, которые особенно любят детей. Правда, Джек никогда не мучил его. Но превратить пса в резвого скакуна – разве это не заманчиво? Можно смело сказать, что всякий ребенок предпочтет такую лошадку самому красивому деревянному коню, даже если у того к ногам приделаны колесики. Джек часто с упоением скакал верхом на Динго, который охотно выполнял эту прихоть своего маленького друга: худенький мальчуган был для него гораздо более легкой ношей, чем жокей для скакового коня.

¹⁹ Бак – носовая часть верхней палубы.

²⁰ Судно идет левым или правым галсом в зависимости от того, с какого борта (левого или правого) дует ветер.

Зато какой урон терпел ежедневно запас сахара в камбузе!

Динго скоро стал любимцем всего экипажа. Один Негоро старался избегать встреч с Динго, который с первого же мгновения, непонятно почему, возненавидел его.

Однако увлечение собакой не охладило любви Джека к старому другу – Дику Сэнду. По-прежнему юноша проводил со своим маленьким приятелем все часы, свободные от вахты. Миссис Уэлдон, само собой разумеется, была очень довольна этой дружбой.

Однажды – это было 6 февраля – она заговорила с капитаном Халлом о Дике Сэнде. Капитан горячо хвалил молодого матроса.

– Ручаюсь вам, – говорил он миссис Уэлдон, – что этот мальчик станет замечательным моряком. Право, у него врожденный инстинкт моряка. Меня поражает, с какой быстротой он усваивает знания в нашем деле, хотя не имеет теоретической подготовки, и как много он узнал за короткое время!

– К этому надо добавить, – сказала миссис Уэлдон, – что он честный и добрый юноша, не по летам серьезный и очень прилежный. За все годы, что мы знаем его, он ни разу не подал ни малейшего повода к недовольству.

– Что и говорить! – подхватил капитан Халл. – Он славный малый! Недаром все его так любят.

– Когда мы вернемся в Сан-Франциско, – продолжала миссис Уэлдон, – муж отдаст его в морское училище, чтобы он мог потом получить диплом капитана.

– И мистер Уэлдон очень хорошо сделает, – заметил капитан Халл. – Я уверен, что Дик Сэнд когда-нибудь станет гордостью американского флота.

– У бедного сироты было тяжелое детство. Он прошел трудную школу, – сказала миссис Уэлдон.

– О да, но ее уроки не пропали даром. Дик понял, что только упорный труд поможет ему выбраться в люди, и сейчас он на правильном пути.

– Да, он будет человеком долга.

– Вот посмотрите на него, миссис Уэлдон, – продолжал капитан Халл. – Он несет сейчас вахту у штурвала и не спускает глаз с бизань-мачты. Он весь – сосредоточенность и внимание, поэтому судно не рыскает, а идет прямо по курсу. У мальчика уже сейчас сноровка старого рулевого. Хорошее начало для моряка! Знаете, миссис Уэлдон, ремеслом моряка надо заниматься с детства. Кто не начал службы юнгой, тот никогда не будет настоящим моряком, по крайней мере в торговом флоте. В детстве из всего извлекаешь уроки, и постепенно твои действия становятся не только сознательными, но и инстинктивными, а в результате моряк привыкает принимать решения так же быстро, как и маневрировать парусами.

– Однако, капитан, есть ведь немало отличных моряков и в военном флоте, – заметила миссис Уэлдон.

– Разумеется. Но насколько я знаю, почти все лучшие моряки начинали службу с детства. Достаточно вспомнить Нельсона²¹ да и многих других, начинавших службу юнгами.

В эту минуту из каюты вышел кузен Бенедикт. Погруженный, по обыкновению, в свои мысли, он с рассеянным видом блуждал по палубе, заглядывал во все щели, шаря под клетками с курами, проводя пальцами по швам и обшивке борта – там, где она не была обмазана смолой.

– Как вы себя чувствуете, кузен Бенедикт? – спросила миссис Уэлдон.

– Благодарю вас, хорошо, кузина. Как всегда... Но мне не терпится поскорее вернуться на землю.

– Что вы там ищете под скамьей, мистер Бенедикт? – спросил капитан Халл.

– Насекомых, сударь, насекомых! – сердито ответил кузен Бенедикт. – Что, по-вашему, я могу искать, если не насекомых?

²¹ Нельсон (1758–1805) – английский адмирал.

– Насекомых? К сожалению, вам придется потерпеть: в открытом море вам вряд ли удастся пополнить свою коллекцию.

– Почему же так, сударь? Разве нельзя себе представить, что на корабле окажется несколько экземпляров...

– Нет, кузен Бенедикт, вы ничего тут не найдете, – прервала его миссис Уэлдон. – Сердитесь не сердитесь на капитана Халла, но он содержит свой корабль в такой безукоризненной чистоте, что все ваши поиски будут напрасны.

Капитан Халл рассмеялся.

– Миссис Уэлдон преувеличивает, – сказал он. – Однако мне кажется, вы действительно напрасно потеряете время, если будете искать насекомых в каютах.

– Знаю, знаю! – досадливо пожав плечами, воскликнул кузен Бенедикт. – Я уже обшарил все каюты сверху донизу...

– Но в трюме, – продолжал капитан Халл, – вы, пожалуй, найдете несколько тараканов, если они вас, конечно, заинтересуют.

– Разумеется, заинтересуют! Как могут не интересоваться меня эти ночные прямокрылые насекомые, которые навлекли на себя проклятия Вергилия и Горация! – возразил кузен Бенедикт, гордо выпрямившись во весь рост. – Как могут не интересоваться меня эти близкие родственники *periplaneta orientalis* и американского таракана, обитающие...

– Грязнящие... – сказал капитан Халл.

– Царящие на борту! – гордо поправил его кузен Бенедикт.

– Хорошенькое царство!

– О, сразу видно, что вы не энтомолог, сударь!

– Ни в какой мере!

– Послушайте, кузен Бенедикт, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – надеюсь, вы не пожелаете, чтобы ради науки мы были съедены тараканами?

– Я желаю только одного, кузина! – ответил пылкий энтомолог. – Только одного: украсить свою коллекцию каким-нибудь редким экземпляром.

– Так вы недовольны своими новозеландскими находками?

– Напротив, очень доволен, кузина. Мне посчастливилось поймать там экземпляр жука стафилина, которого до меня находили только в Новой Каледонии, то есть за несколько сот миль от Новой Зеландии.

В эту минуту Динго, который тем временем играл с Джеком, подбежал к кузену Бенедикту.

– Поди прочь, поди прочь! – закричал тот, отталкивая собаку.

– О, мистер Бенедикт, – воскликнул капитан Халл, – как можно любить тараканов и ненавидеть собак?!

– Да еще таких хороших собачек! – сказал маленький Джек, обхватив обеими ручками голову Динго.

– Да... может быть... – проворчал кузен Бенедикт. – Но это мерзкое животное обмануло мои надежды.

– Как, кузен Бенедикт! – воскликнула миссис Уэлдон. – Неужели вы и Динго собирались зачислить в отряд двукрылых или перепончатокрылых?

– Нет, конечно, – вполне серьезно ответил ученый. – Но ведь Динго, хоть он и принадлежит к австралийской породе собак, был подобран на западноафриканском побережье!

– Совершенно верно, – подтвердила миссис Уэлдон. – Том слышал, как об этом говорил капитан «Вальдека».

– Так вот... я думал... я надеялся... что на этом животном окажутся какие-нибудь насекомые, присущие только западноафриканской фауне...

– О небо! – воскликнула миссис Уэлдон.

– И я полагал, что, может быть, на нем найдется какая-нибудь особенно злая блоха еще неизвестного, нового вида...

– Слышишь, Динго? – сказал капитан Халл. – Слышишь, пес? Ты не выполнил своих обязанностей!

– Но я напрасно вычесал ему шерсть, – продолжал с нескрываемым огорчением энтомолог, – на нем не оказалось ни одной блохи!

– Если бы вам удалось найти блох, надеюсь, вы бы немедленно уничтожили их? – воскликнул капитан.

– Сударь, – сухо ответил кузен Бенедикт, – вам не мешает знать, что сэр Джон Франклин²² никогда напрасно не убивал насекомых, даже американских комаров, укусы которых несравненно болезненнее блошиных. Полагаю, вы не станете оспаривать, что сэр Джон Франклин в морском деле кое-что смыслил?

– Несомненно! – с поклоном ответил капитан Халл.

– Однажды его страшно искусал москит. Но Франклин только дунул на него и, отогнав, учтиво сказал: «Пожалуйста, уйдите. Мир достаточно велик для вас и для меня!»

– Ах так! – произнес капитан Халл.

– Да, сударь!

– А знаете ли вы, господин Бенедикт, – заметил капитан Халл, – что другой человек сказал это много раньше, чем Франклин?

– Другой?!

– Да. Звали его дядюшка Тоби.

– Кто он? Энтомолог? – живо спросил кузен Бенедикт.

– О нет, стерновский дядюшка Тоби²³ не был энтомологом, но это не помешало ему, без излишней, правда, учтивости, сказать мухе, которая жужжала около его носа: «Убирайся, бедняга! Свет велик, и мы можем жить, не стесняя друг друга».

– Молодчина этот дядюшка Тоби! – воскликнул кузен Бенедикт. – Он уже умер?

– Полагаю, что да, – невозмутимо ответил капитан Халл, – так как он никогда не существовал.

И все рассмеялись, глядя на кузена Бенедикта.

Такие дружеские беседы помогали коротать долгие часы затянувшегося плавания. Само собой разумеется, что в присутствии кузена Бенедикта разговор неизменно вращался вокруг каких-нибудь вопросов энтомологической науки.

Море все время было спокойно, но слабый ветер еле надувал паруса шхуны, и «Пилигрим» почти не двигался на восток. Капитан Халл с нетерпением ждал, когда же судно достигнет наконец тех мест, где подуют более благоприятные ветры.

Надо сказать, что кузен Бенедикт пытался посвятить Дика Сэнда в тайны энтомологии. Но юноша уклонился от этой чести; тогда ученый начал, за неимением лучшего, читать лекции неграм. Дело кончилось тем, что Том, Бат, Остин и Актеон стали убегать от кузена Бенедикта, как только он показывался на палубе. Почтенному энтомологу приходилось довольствоваться только одним слушателем – Геркулесом, у которого он обнаружил врожденную способность отличать паразитов от щетинохвостых.

Великан негр жил теперь в мире жуков-кожеедов, жужелиц, шелкоунов, рогачей, жуков-могильщиков, долгоносиков, навозников, божьих коровок, короедов, хрущей, зерновок. Он исследовал всю коллекцию кузена Бенедикта, который трепетал, видя своих хрупких насеко-

²² Франклин, Джон (1786–1847) – английский мореплаватель, исследователь полярных стран.

²³ Дядюшка Тоби – один из персонажей романа «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768).

мых в толстых и крепких, как тиски, пальцах Геркулеса. Но великан-ученик так внимательно слушал лекции, что профессор ради него решил даже рискнуть своими сокровищами.

В то время как кузен Бенедикт занимался с Геркулесом, миссис Уэлдон учила чтению и письму маленького Джека, а его друг, Дик Сэнд, знакомил его с начатками арифметики.

Пятилетний ребенок легче усваивает знания, когда уроки похожи на занимательную игру. Миссис Уэлдон учила Джека чтению не по букварю, а при помощи деревянных кубиков, на которых были нарисованы большие красные буквы. Малыша забавляло, что от сочетания их получаются слова. Сначала мать складывала какое-нибудь слово, а затем, перемешав кубики, предлагала Джеку самому сложить то же слово.

Мальчику нравилось учиться таким способом. Каждый день он подолгу возился со своими кубиками в каюте или на палубе, то складывая слова, то вновь перемешивая все буквы алфавита.

Эта игра послужила причиной происшествия, настолько необычайного и неожиданного, что о нем стоит рассказать подробнее.

Случилось это утром 9 февраля.

Джек лежал на палубе и составлял из кубиков какое-то слово; старик Том должен был вновь составить это слово после того, как мальчик перемешает кубики. Соблюдая правила игры, Том закрыл глаза ладонью, чтобы не видеть, какое слово складывает Джек.

В наборе кубиков были не одни заглавные и строчные буквы, но также и цифры, – таким образом, эта игра служила пособием для обучения не только чтению, но и счету.

Джек выстроил все кубики в один ряд и, нахмутив брови, выбирал нужные ему, для того чтобы сложить слова. Работа была нелегкая, и мальчик так увлекся ею, что не обращал внимания на Динго, который кружил возле него. Вдруг собака замерла на месте, уставившись на один кубик. Потом подняла переднюю правую лапу, завиляла хвостом, схватила в зубы кубик, отбежала в сторону и положила его на палубу.

На кубике была изображена заглавная буква «С».

– Динго, отдай! – крикнул мальчик, испугавшись, что собака разгрызет кубик.

Но Динго вернулся, взял еще один кубик и положил его рядом с первым.

На втором кубике было нарисовано заглавное «В».

Тут Джек закричал.

На его крик прибежали миссис Уэлдон, капитан Халл и Дик Сэнд, гулявшие по палубе.

Джек рассказал им о том, что произошло.

Динго различает буквы! Динго умеет читать! Да, да! Джек видел это собственными глазами.

Дик Сэнд хотел взять кубики и вернуть их Джеку, но Динго встретил его рычанием.

Тем не менее юноша поднял кубики с палубы и поставил их в выстроенную шеренгу. Динго опять бросился к ней, снова выбрал те же две буквы и отнес их в сторонку. На сей раз он прижал кубики лапами, ясно показывая, что не намерен их отдавать. Другие буквы алфавита для него как будто не существовали.

– Странно! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Действительно, очень странно, – сказал капитан Халл, пристально глядя на кубики.

– С, В, – прочитала миссис Уэлдон.

– С, В, – повторил капитан Халл. – Те же буквы, что и на ошейнике Динго! – И, внезапно обернувшись к старому негру, он спросил: – Том, вы, кажется, говорили, что эта собака лишь с недавних пор принадлежала капитану «Вальдека»?

– Да, сударь. Динго попал на «Вальдек» всего года два тому назад.

– И вы сказали, что капитан «Вальдека» нашел его на западном побережье Африки?

– Да, сударь, близ устья Конго. Я не раз слышал, как капитан «Вальдека» говорил об этом.

– Так, значит, никто и не знает, кому раньше принадлежал Динго и как он попал в Африку?

– Никто, капитан. Ведь с собаками еще труднее, чем с брошенными детьми: документов у них нет никаких, а рассказать они ничего не могут.

Капитан Халл умолк и задумался.

– Разве эти две буквы что-нибудь говорят вам, капитан? – спросила через минуту миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Они наводят меня на мысль... А впрочем, может быть, это просто случайное совпадение.

– Какое?

– Может быть, в этих двух буквах есть смысл и они помогут выяснить судьбу одного отважного путешественника.

– Не понимаю. Что вы хотите сказать?

– Сейчас объясню, миссис Уэлдон. В тысяча восемьсот семьдесят первом году, то есть два года назад, один путешественник-француз отправился в Африку по инициативе Парижского географического общества, чтобы попытаться пересечь континент с запада на восток. Исходным пунктом его экспедиции как раз было устье реки Конго. Конечной точкой, по возможности, должен был стать мыс Дельгадо в устье реки Рувума, по течению которой путешественник намеревался спуститься. Этого человека звали Самюэль Вернон.

– Самюэль Вернон? – повторила миссис Уэлдон.

– Да, миссис Уэлдон. Заметьте, что имя и фамилия начинаются как раз с тех букв, которые Динго выбрал из всего алфавита, и они же выгравированы на его ошейнике.

– В самом деле, – сказала миссис Уэлдон. – А что случилось с этим путешественником?

– Он отправился в экспедицию, – ответил капитан Халл, – и с тех пор от него не было известий.

– Ни одной весточки? – спросил Дик Сэнд.

– Ни одной, – сказал капитан.

– Что же вы об этом думаете? – спросила миссис Уэлдон.

– Я полагаю, что Самюэлю Вернону не удалось добраться до восточного берега Африки. Либо он погиб в пути, либо его захватили туземцы.

– Значит, эта собака...

– ...могла принадлежать Самюэлю Вернону. Но если мое предположение правильно, Динго оказался удачливее своего хозяина, и ему удалось вернуться назад к устью Конго – ведь его как раз в то время и именно там нашел капитан «Вальдека».

– А вы знаете, что француза-путешественника действительно сопровождала собака, или это только ваша догадка?

– Нет, миссис Уэлдон, это только моя догадка, – ответил капитан Халл. – Но во всяком случае бесспорно, что Динго знает буквы «С» и «В», инициалы путешественника. Каким образом и где собака научилась различать эти две буквы, я, разумеется, не могу вам сказать. Но Динго отлично их знает. Глядите, он подталкивает кубики лапой, точно просит нас прочитать буквы.

И правда, поведение Динго нельзя было истолковать иначе.

– Разве Самюэль Вернон отправился в такую трудную экспедицию один? – спросил Дик Сэнд.

– Не знаю, – ответил капитан Халл. – Но весьма вероятно, что он взял с собой отряд носильщиков-туземцев.

В эту минуту Негоро вышел из кубрика на палубу. Сначала никто не обратил на него внимания, и поэтому никто не заметил странного взгляда, который португалец бросил на собаку,

по-прежнему сидевшую над кубиками с буквами «С» и «В». Но Динго, увидев судового кока, яростно зарычал и оскалил зубы.

Негоро тотчас же ушел назад в кубрик, но взгляд, который он бросил на собаку, и невольный угрожающий жест не предвещали Динго ничего хорошего.

– Здесь кроется какая-то тайна, – прошептал капитан Халл, от глаз которого не ускользнула ни одна подробность этой краткой сцены.

– А все-таки странно, мистер Халл, – заметил Дик Сэнд, – как же эта собака научилась различать буквы алфавита?

– И ничего тут нет странного! – заявил маленький Джек. – Мама часто рассказывала мне про собаку, которая умела читать и писать, как настоящий школьный учитель, и даже играла в домино.

– Дорогой мой мальчик, – улыбаясь, сказала миссис Уэлдон, – собака Мунито, о которой я тебе рассказывала, совсем не была такой ученой, как тебе кажется. Если верить тому, что мне говорили, Мунито не умела отличить одну от другой буквы, из которых она составляла слова. Весь секрет ее «учености» заключался в замечательно остром слухе. Ее хозяин, один ловкий американец, заметил это качество у Мунито, стал развивать его и в конце концов добился удивительных результатов.

– И что же он сделал, миссис Уэлдон? – спросил Дик Сэнд. Тайна ученой собаки заинтересовала его не меньше, чем Джека.

– Вот что, друг мой. Когда Мунито предстояло «работать» перед публикой, на столе расставляли кубики с буквами, вроде кубиков Джека. Собака ходила по столу и следила, пока из публики назовут слово, которое она должна сложить, – громко или тихо, все равно. Единственным условием было, чтобы это слово знал хозяин Мунито.

– Значит, если хозяина не было... – начал юноша.

– ...собака ничего не могла сделать, – закончила миссис Уэлдон. – И вот почему. Буквы были расставлены на столе, собака расхаживала взад и вперед вдоль этого алфавита. Подойдя к букве, которую надо было взять, чтобы сложить заданное слово, она останавливалась, но не потому, что знала эту букву, а потому, что различала звук, неуловимый ни для кого другого, – она слышала, как американец щелкал зубочисткой, спрятанной в кармане. Это служило для нее сигналом. Мунито брала кубик и ставила его рядом с другим уже взятым кубиком.

– Вот и весь секрет? – воскликнул Дик Сэнд.

– Да. Секрет, как видишь, несложный, – ответила миссис Уэлдон. – Впрочем, и все другие фокусы обычно так же просты. Когда хозяина не было вблизи, Мунито теряла свой «дар». Поэтому-то меня так удивляет, что Динго сумел распознать эти две буквы в отсутствие Самюэля Вернона, если только он действительно был хозяином собаки.

– В самом деле, – заметил капитан Халл, – это достойно удивления. Впрочем, здесь ведь собака не складывает из букв любое слово, по выбору публики: она выбирает только две буквы – всегда одни и те же. В конце концов, собака, которая звонила у дверей монастыря, чтобы получить остатки обеда, предназначенные для раздачи нищим, или та собака, которая по очереди с другой должна была через день вращать вертел и отказывалась работать не в свою очередь, – быть может, эти собаки гораздо сообразительнее нашего Динго. Но как бы то ни было – перед нами неоспоримый факт: из всех букв алфавита Динго выбрал только две – «С» и «В». Других букв он, по-видимому, не знает. Из этого может следовать только, что существовали какие-то причины, которые заставили собаку запомнить именно эти две буквы.

– Ах, капитан Халл, – сказал Дик Сэнд, – если бы Динго мог говорить! Он объяснил бы нам, что означают эти буквы и почему у него зуб на нашего кока!

– Да еще какой зуб! – рассмеялся капитан Халл, указывая на Динго, который в эту минуту зевнул, обнажив свои страшные клыки.

Глава шестая

Кит на горизонте

Нет ничего удивительного, что этот странный случай с Динго не раз служил темой бесед, которые вели на корме «Пилигрима» миссис Уэлдон, капитан Халл и Дик Сэнд. Последний инстинктивно относился к Негоро с особенным недоверием, хотя поведение судового кока по-прежнему не вызывало никаких нареканий. На баке и в кубрике тоже было немало разговоров о Динго, но там пришли к другому выводу: он был признан учнейшим псом, который не только читает, но, может быть, и пишет получше иного матроса. И если он еще не заговорил на человеческом языке, то только лишь потому, что у него, очевидно, имеются веские основания молчать.

– Вот увидите, – ораторствовал рулевой Болтон, – в один прекрасный день этот пес подойдет ко мне и спросит: «Куда мы держим курс, Болтон? Какой ветер нынче дует? Норд-вест или вест-норд-вест?» И придется ему ответить.

– Мало ли есть говорящих животных, – рассуждал другой матрос, – сороки, попугаи!.. Почему бы и собаке не заговорить, если ей захочется? Клювом ведь говорить труднее, чем пастью.

– Верно-то верно, – подтвердил боцман Хоуик, – вот только говорящих собак никогда не бывало.

Команда «Пилигрима» чрезвычайно удивилась бы, узнав, что говорящие собаки существуют, что у одного датского ученого была собака, которая умела отчетливо произносить слов двадцать. Но непроходимая пропасть отделяет такое умение говорить от умения понимать человеческую речь. У собаки датского ученого голосовые связки были устроены так, что она могла издавать членораздельные звуки. Но смысл произносимых слов она понимала не лучше, чем, скажем, попугаи, сойки или сороки. Для всех «говорящих» животных слова – это только разновидность пения или крика; значение этих звуков остается для них непостижимым.

Как бы там ни было, но Динго стал героем дня на борту «Пилигрима». К чести его надо сказать, что он от этого не возгордился. Капитан Халл неоднократно повторял все тот же опыт: он раскладывал перед собакой деревянные кубики, и Динго без ошибок и колебаний всякий раз выбирал кубики с буквами «С» и «В», не обращая внимания на остальные буквы алфавита. Несколько раз капитан проделывал этот опыт при кузене Бенедикте. Однако ученого занимали только насекомые, и поведение Динго несколько не заинтересовало его. Но однажды он снизошел до небольшой лекции на эту тему.

– Не следует думать, – сказал он, – что только собаки проявляют такую сообразительность. Но и они, и другие подобные им животные на деле лишь подчиняются инстинкту. Вспомните хотя бы крыс, которые бегут с кораблей, обреченных на гибель; вспомните бобров, которые предвидят подъем воды в реке и надстраивают свои плотины; вспомните ослов, у которых замечательная память; вспомните, наконец, лошадей, принадлежавших Никомену, Скандербегу и Оппиену, – они умерли с горя после смерти своих хозяев. Были и другие животные, которые делают честь всему своему племени. Известны случаи, когда прекрасно обученные птицы писали без ошибок слова под диктовку своего учителя, когда попугаи считали гостей в комнате с точностью, которой позавидовал бы вычислитель Бюро долгот и широт. Разве не существовало попугая, за которого заплатили сто золотых, ибо он без запинки читал некоему кардиналу, своему хозяину, весь Символ веры? Разве, наконец, энтомолог не должен испытывать законного чувства гордости, когда он видит, как простые насекомые демонстрируют доказательства высокоразвитого интеллекта и убедительно подтверждают изречение: «In minimis

maximus Deus»²⁴? Ведь муравьи могли бы поспорить со строителями наших больших городов, водяные пауки-серебрянки, не знающие законов физики, создают воздушные колокола, а блохи везут экипажи, как заправские рысаки, выполняют строевые упражнения не хуже карабинеров, стреляют из пушек лучше, чем дипломированные артиллеристы, окончившие Вест-Пойнт²⁵. Нет, этот ваш Динго не заслужил чрезмерных похвал. Если он так сведущ в азбуке – это вовсе не его заслуга: просто он принадлежит к еще не получившей своего места в зоологии породе *canis alphabetias* – «собак-грамотеев» из Новой Зеландии.

Но такие речи завистливого энтомолога несколько не унизили Динго в общественном мнении, и на баке о нем по-прежнему говорили как о настоящем чуде. Один лишь Негоро не разделял общего восхищения собакой. Быть может, он считал ее слишком умной. Динго относился к судовому коку все так же враждебно, и Негоро не преминул бы отплатить ему за это, если бы Динго не был способен постоять за себя, во-первых, и если бы, во-вторых, он не стал любимцем всего экипажа.

И теперь Негоро больше чем когда-либо избегал показываться на глаза Динго. Это не помешало Дику Сэнду заметить, что после случая с кубиками взаимная ненависть человека и собаки усилилась. В этом было нечто необъяснимое.

Десятого февраля норд-ост, все время чередовавшийся с томительными штилями, во время которых «Пилигрим» не двигался с места, начал заметно стихать, и капитан Халл стал надеяться на скорую перемену ветра. Он мечтал о северо-западном ветре, который позволил бы шхуне поднять все паруса. Из Оклендского порта «Пилигрим» вышел всего девятнадцать дней тому назад. Задержка была не так уж велика, и при попутном ветре, поставив все паруса, шхуна могла быстро наверстать потерянное время. Но желанная перемена ветра еще не наступила. Приходилось ждать.

Эта часть океана была совершенно пустынна. Ни одно судно не заглядывало сюда. Мореплаватели, казалось, покинули эти широты навсегда. Китобои, охотившиеся в южных полярных морях, не собирались еще возвращаться на родину, и «Пилигрим», в силу чрезвычайных обстоятельств оставивший место охоты раньше времени, не мог надеяться на встречу с каким-нибудь собратом, идущим к тропику Козерога.

Трансокеанские же пакетботы, как уже говорилось, совершали свои рейсы между Америкой и Австралией под более низкими широтами.

Однако именно потому, что море было таким пустынным, оно особенно привлекало к себе внимание. Однообразное на взгляд поверхностного наблюдателя, оно представляется настоящим морякам, людям, которые умеют видеть и угадывать, бесконечно разнообразным. Неуловимая его изменчивость восхищает тех, кто обладает воображением и чувствует поэзию океана. Вот плывет пучок морской травы; вот длинная водоросль лежит на воде легким волнистым узором; а вот волны колышут обломок доски, и так хочется отгадать, откуда он здесь взялся. Бесконечный простор дает богатую пищу воображению. В каждой из этих частиц воды, то поднимающихся с испарением к облакам, то проливающих дождем в море, заключается, быть может, тайна какой-нибудь катастрофы. Как не позавидовать тем пытливым умам, которые умеют выведывать у океана его тайны, подниматься от его вечно движущихся вод к небесным высотам!

И всюду кипит жизнь – под водой и над водой! Пассажиры «Пилигрима» смотрели, как охотятся на маленьких рыбок стаи перелетных птиц, покинувших приполярные области перед наступлением зимних холодов. Дик Сэнд, перенявший у Джемса Уэлдона наряду со многими другими полезными навыками также и искусство меткой стрельбы, доказал, что он одинаково хорошо владеет ружьем и револьвером: он подстрелил несколько этих стремительных летунов.

²⁴ В самых малых величайший Бог (*лат.*)

²⁵ *Вест-Пойнт* – военная школа в штате Нью-Йорк.

Над водой кружили буревестники – одни совершенно белые, другие с темной каймой на крыльях. Иногда пролетали стаи капских буревестников, а в воде проносились пингвины, у которых на земле такая неуклюжая и смешная походка. Однако как отметил капитан Халл, короткие крылья служат пингвинам настоящими плавниками, и в воде птицы эти могут состязаться с самыми быстрыми рыбами, так что моряки иногда принимают их за тунцов.

Высоко в небе реяли гигантские альбатросы, раскинув крылья в десять футов размахом. Затем они спускались на воду и погружали в нее клюв, ища добычу.

Эти непрестанно сменяющие друг друга картины представляют собой захватывающее зрелище. Только человеку, глубоко равнодушному к природе, море может показаться однообразным.

Днем 10 февраля миссис Уэлдон, прогуливаясь по палубе «Пилигрима», заметила, что поверхность моря стала красноватой. Казалось, вода окрасилась кровью. Сколько видел глаз, во все стороны простиралось это загадочное красное поле. Дик Сэнд играл с маленьким Джеком недалеко от миссис Уэлдон, и она сказала ему:

– Посмотри, Дик, что за странный цвет у моря. Может быть, тут какая-нибудь морская трава?

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил Дик Сэнд, – эту окраску воде придают мириады крохотных рачков, которые обычно служат пищей крупным морским млекопитающим. Рыбаки очень верно прозвали этих рачков «китовой похлебкой».

– Рачки! – сказала миссис Уэлдон. – Но они такие крохотные, что их, пожалуй, можно назвать морскими насекомыми! Кузен Бенедикт, наверное, с радостью включит их в свою лекцию. – И миссис Уэлдон громко позвала: – Кузен Бенедикт! Идите сюда.

Кузен Бенедикт вышел из каюты почти одновременно с капитаном Халлом.

– Поглядите, кузен Бенедикт! Видите это огромное красное пятно на море? – спросила миссис Уэлдон.

– Ага! – воскликнул капитан Халл. – Китовая похлебка! Вот удобный случай изучить весьма любопытных рачков, господин Бенедикт!

– Ерунда! – сказал энтомолог.

– Как «ерунда»?! – вскричал капитан. – Вы не имеете права проявлять такое равнодушие! Если не ошибаюсь, эти рачки относятся к одному из шести классов суставчатых и в качестве таковых...

– Ерунда! – повторил кузен Бенедикт, тряхнув головой.

– Однако! Такое равнодушие у энтомолога...

– Не забывайте, капитан Халл, – прервал его кузен Бенедикт, – что я изучаю исключительно насекомых.

– Значит, вас эти рачки мало занимают, господин Бенедикт? Но если бы вы обладали желудком кита, как бы вы обрадовались этому пиру!.. Знаете, миссис Уэлдон, когда нам, китобоям, случается наткнуться в море на такую стаю рачков, мы спешим привести в готовность гарпуны и шлюпки. В таких случаях можно не сомневаться, что добыча близка...

– Но как могут такие крохотные рачки насытить огромного кита? – спросил Джек.

– Что ж тут удивительного, дружок? – ответил капитан Халл. – Ведь готовят же вкусные кушанья из манной крупы, из крахмала, из муки тончайшего помола. Так уж пожелала природа: когда кит плывет в этой красной воде, похлебка для него готова – ему стоит только открыть свою огромную пасть. Мириады рачков попадают туда, и тогда роговые пластинки – их называют «китовый ус», – которые щеткой свисают с его нёба, выполняют роль рыбачьих сетей. Никто не может ускользнуть из его рта, и масса рачков отправляется в обширный желудок кита так же просто, как суп в твой животик.

– Ты понимаешь, Джек, – добавил Дик Сэнд, – что господин кит не тратит времени на то, чтобы очищать от скорлупы каждого рачка в отдельности, как ты очищаешь креветок.

– И надо добавить, что как раз в то время, когда огромный обжора лакомится своей похлебкой, – сказал капитан Халл, – к нему легче подойти, не возбуждая у него тревоги. Самая подходящая минута пустить в ход гарпун...

В это мгновение, как бы подтверждая слова капитана Халла, вахтенный матрос крикнул:

– Кит на горизонте – впереди по левому борту!

Капитан Халл выпрямился во весь рост.

– Кит! – воскликнул он и, побуждаемый инстинктом охотника, побежал на нос.

Миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд и даже кузен Бенедикт последовали за ним.

Действительно, в четырех милях от корабля, под ветром, море в одном месте как бы кипело. Опытный китобой не мог ошибиться: среди красных волн двигалось крупное морское млекопитающее.

Но расстояние было еще слишком велико, чтобы можно было определить породу этого млекопитающего. Пород этих несколько, и каждая довольно резко отличается от других.

Может быть, это один из так называемых настоящих китов, за которыми главным образом и охотятся китобой северных морей? У настоящих китов нет спинного плавника, под кожей у них толстый слой жира. Длина настоящих китов иногда достигает восьмидесяти футов, но в среднем они не длиннее шестидесяти футов. От одного такого чудища можно получить до ста бочек ворвани.

А может быть, это финвал, принадлежащий к породе спинноперных китов, – одно уже это название должно как-никак внушать уважение энтомологу. У финвалов похожие на крылья спинные белые плавники бывают длиной почти в половину туловища, это своего рода летающий кит.

Но это мог быть и большой полосатик, известный также под названием синего кита, – у него тоже есть спинной плавник, а по длине он не уступает настоящим китам.

Пока еще нельзя было определить, к какому виду принадлежит кит, замеченный вахтенным, но капитан Халл и весь экипаж «Пилигрима» с жадностью следили за ним.

Если часовщик, глядя в гостях на чужие стенные часы, испытывает непреодолимую потребность их завести, то насколько более страстное желание загарпунить добычу охватывает китобоя при виде плавающего в океане кита! Говорят, охота на крупного зверя увлекает больше, чем охота на мелкую дичь. Значит, охотничий пыл тем сильнее, чем крупнее дичь. Что же должны ощущать ловцы слонов и китобой? А экипаж «Пилигрима» волновался еще и потому, что судно возвращалось на родину с неполным грузом...

Капитан Халл пристально всматривался в даль. На таком расстоянии кита трудно было рассмотреть, но искушенный глаз китобоя безошибочно улавливал некоторые признаки, различимые даже издали: по фонтанам воды или, вернее, пара, вырывающимся из дыхала кита, уже можно было определить, к какой породе он принадлежит.

– Это не настоящий кит! – воскликнул капитан Халл. – У настоящих китов фонтаны выше и тоньше. Если бы фонтан вылетал с шумом, похожим на отдаленный гул канонады, можно было бы с уверенностью сказать, что имеешь дело с финвалом. Но тут ничего такого нет. Прислушайтесь хорошенько. Тут фонтан производит шум совсем другого рода. Что ты об этом думаешь, Дик? – спросил капитан Халл, обернувшись к юноше.

– Мне кажется, капитан, что это полосатик, – ответил Дик Сэнд. – Посмотрите, с какой силой взлетают в воздух фонтаны. И водяных струй в них как будто больше, чем пара. Если я не ошибаюсь, эта особенность присуща полосатикам.

– Правильно, Дик! – ответил капитан Халл. – Сомневаться уже не приходится! Там, в красной воде, плывет полосатик.

– Как красиво! – воскликнул маленький Джек.

– Да, голубчик! Подумать только, что это огромное животное спокойно кормится и даже не подозревает, что за ним наблюдают китобой!

– Я бы даже рискнул сказать, – скромно заметил Дик, – что это очень крупный полосатик.

– Несомненно! – ответил капитан Халл, у которого от волнения сверкали глаза. – Длины в нем по меньшей мере семьдесят футов.

– Здорово! – воскликнул боцман. – Загарпунить бы с полдюжины таких китов, и тогда мы полностью загрузили бы все трюмы нашего корабля.

– Да, полдюжины было бы вполне достаточно, – со вздохом сказал капитан Халл.

Чтобы лучше рассмотреть кита, он влез на бушприт.

– Да и с этим, – прибавил боцман, – мы за несколько часов заполнили бы ворванью не меньше половины из наших двухсот пустых бочек...

– Да... Это верно... Да! – пробормотал капитан Халл.

– Это правда, – подтвердил Дик Сэнд, – но одолеть такого огромного полосатика – дело не легкое.

– Конечно, – ответил капитан Халл. – Дело трудное, очень трудное. У больших полосатиков хвост чудовищной силы, и к ним надо подбираться очень осторожно. Самая крепкая шлюпка разлетается в щепки от удара их хвоста. Но ради такой поживы стоит рискнуть.

– Большой полосатик – большая добыча! – сказал один из матросов.

– И выгодная! – добавил другой.

– Жаль пройти мимо и не поздороваться с таким китом! – заключил третий.

Было ясно, что вся команда при виде кита очень обрадовалась. Сколько ворвани было заключено в туше, плававшей на поверхности воды так близко! Матросы говорили так, словно стоит лишь подставить бочки – и ворвань польется в них широкой струей.

Взобравшись на ванты фок-мачты, они жадным взглядом следили за каждым движением кита, и нетерпеливые возгласы выдавали их чувства. Капитан Халл молча грыз ногти. Казалось, полосатик, будто мощный магнит, притягивает к себе «Пилигрим» и весь его экипаж.

– Мама! Мама! – воскликнул маленький Джек. – Мне очень хотелось бы посмотреть, какой он – кит!

– Ах, ты хочешь посмотреть кита вблизи, дружок? Что ж, почему бы и нет, друзья? – обратился капитан Халл к матросам, будучи уже не в силах противостоять соблазну. – Людей у нас маловато... Ну да как-нибудь справимся...

– Справимся, справимся! – в один голос закричали матросы.

– Мне не в первый раз придется выполнять обязанности гарпунщика, – продолжал капитан Халл. – Посмотрим, не разучился ли я метать гарпун...

– Ура, ура, ура! – закричали матросы.

Глава седьмая

Приготовления к охоте

Понятно, почему появление огромного морского животного привело в такое возбуждение экипаж «Пилигрима». Кит, плававший посреди красного водного поля, казался гигантским.

Добыть его и заполнить трюм корабля – искушение было велико! Могли ли китобои пропустить такой случай?

Однако миссис Уэлдон спросила капитана Халла, не опасна ли в таких условиях для команды и для него самого охота на кита.

– Нет, миссис Уэлдон, – ответил капитан Халл. – Опасности нет никакой. Мне не раз приходилось охотиться на китов с одной шлюпкой, и не было случая, чтобы я не добился цели. Повторяю, нет никакой опасности для нас, а следовательно, и для вас.

Миссис Уэлдон успокоилась и больше вопросов не задавала.

Капитан Халл тотчас же распорядился сделать все необходимые приготовления. Он по опыту знал, что охота будет трудной, и решил принять все меры предосторожности. Трудность охоты усугублялась еще и тем, что экипаж шхуны мог воспользоваться только одной шлюпкой, хотя на «Пилигриме» имелась не только шлюпка, установленная на кильблоках между грот-мачтой и фок-мачтой, но еще и три китобойных вельбота: один был подвешен с левого, другой – с правого борта, а третий – на корме.

Обычно эти три вельбота шли в погоню за китом все разом. Но для этого, как известно, при стоянке в Новой Зеландии вербовались матросы и гарпунщики, которые помогали постоянной команде «Пилигрима» во время промыслового сезона. Теперь же этой вспомогательной команды не было, и «Пилигрим» мог снарядить на охоту лишь пять матросов, то есть как раз столько, сколько нужно для обслуживания одного вельбота. От помощи Тома и его товарищей, которые поспешили предложить свои услуги, капитан Халл вынужден был отказаться – управление вельботом во время охоты на кита под силу только самым опытным морякам. Неверный поворот руля или несвоевременный взмах весла в момент нападения угрожают гибелью.

С другой стороны, капитан Халл не мог покинуть свое судно, не оставив на борту хотя бы одного опытного моряка: мало ли что могло случиться.

И так как на вельботе нужны сильные люди, капитану Халлу волей-неволей пришлось поручить судно Дику Сэнду.

– Дик, – сказал он, – оставляю тебя своим заместителем на время охоты. Надеюсь, что она будет непродолжительной.

– Есть, капитан! – ответил молодой матрос.

Дику Сэнду очень хотелось самому принять участие в охоте, но он понимал, что на вельботе больше пользы принесет сильный взрослый мужчина, да, кроме того, лишь он один может заменить капитана Халла на «Пилигриме». Поэтому он беспрекословно повиновался.

Итак, на охоту отправлялась вся команда «Пилигрима». Четверо матросов сядут на весла, а боцман Хоуик возьмет кормовое весло, заменяющее на вельботе обычный руль, который не позволяет мгновенно выполнять маневры. А если во время охоты гребные весла сломаются, то кормовое весло в умелых руках может вывести вельбот из-под ударов разъяренного кита.

Капитан Халл должен был занять место гарпунщика – как он и говорил, ему не впервой была эта работа. Он должен был метнуть гарпун, следить за разматыванием длинной веревки, привязанной к концу гарпуна, и, наконец, добить раненого кита копьем, когда тот всплывет на поверхность океана.

Иногда для китобойного промысла пользуются огнестрельным оружием. На борту корабля или на носу шлюпки устанавливается особая пушка – она выбрасывает гарпун, кото-

рый тянет за собой длинный линь²⁶, или стреляет разрывными снарядами, наносящими киту тяжелые раны.

Но на «Пилигриме» не было таких орудий. Кстати сказать, это довольно дорогое и требующее особых навыков приспособление, а моряки не очень любят новшества и потому предпочитают простой гарпун и копье, которыми они владеют очень искусно.

Именно с таким оружием капитан Халл и пустился на охоту за полосатиком, который был виден милях в пяти от «Пилигрима».

Правда, погода как будто благоприятствовала китобоям. Море было спокойно – значит, вельботу легче будет маневрировать. Ветра почти не было, и не приходилось опасаться, что «Пилигрим» отнесет далеко в сторону, пока экипаж будет преследовать кита.

Вельбот левого борта спустили на воду, и четверо матросов заняли в нем места.

Боцман Хоуик сбросил им два гарпуна и несколько длинных копий с острыми наконечниками. К этим орудиям нападения он добавил пять бухт²⁷ гибкого и прочного линя, по шестисот футов в каж-дой бухте. Когда одна бухта разматается, матросы подвязывают к концу линя вторую, третью и так далее. Но иногда и трех тысяч футов линя оказывается недостаточно – так глубоко ныряет кит.

Таково было китобойное снаряжение, уложенное в порядке на носу лодки.

Заняв свои места, Хоуик и четверо матросов ожидали только приказа отдать концы.

Теперь осталось лишь одно свободное место на носу вельбота – его должен был занять капитан Халл.

Само собой разумеется, что перед отправлением на охоту экипаж «Пилигрима» положил корабль в дрейф, то есть реи были повернуты так, что паруса обеих мачт тянули его в разные стороны, а потому он был почти неподвижен.

Перед тем как спуститься в вельбот, капитан Халл бросил последний взгляд на шхуну. Он уверился, что все в порядке, паруса поставлены правильно, снасти хорошо обтянуты. Дику Сэнду предстояло оставаться на судне одному, быть может, в продолжение многих часов, и капитан хотел избавить его от необходимости переставлять паруса и маневрировать, если только того не потребуют особые обстоятельства.

Удостоверившись, что все в порядке, капитан подозвал к себе юношу и сказал ему:

– Дик, оставляю тебя одного. Смотри в оба! Может быть, против ожидания, «Пилигриму» придется пойти за нами, если кит утащит нас слишком далеко. Тогда Том и его товарищи помогут тебе поставить паруса. Ты хорошенько растолкуешь им, что надо делать, и я уверен, они отлично справятся с работой.

– Да, капитан Халл, – сказал старый Том, – мистер Дик может рассчитывать на нас.

– Приказывайте, приказывайте! – воскликнул Бат. – Мы покажем, как мы умеем работать!

– Что тянуть? – спросил Геркулес, засучивая рукава.

– Пока что ничего, – улыбаясь, ответил Дик.

– Я готов! – сказал гигант.

– Погода сегодня отличная, – продолжал капитан Халл, – ветер спал и, надо полагать, не посвежеет. Но что бы ни случилось, Дик, не спускай на воду шлюпку и не покидай судна!

– Есть, капитан!

– Если нужно будет, чтобы «Пилигрим» пошел за нами, я подам тебе сигнал: подниму вымпел на конце багра.

– Будьте спокойны, капитан. Я глаз не спущу с вашей шлюпки, – ответил Дик Сэнд.

²⁶ *Линь* – трос меньше двух с половиной сантиметров в окружности.

²⁷ *Бухта* – канат, свернутый кругами.

– Отлично, голубчик, – сказал капитан Халл. – Будь храбр, но хладнокровен. Помни: ты теперь помощник капитана. Не посрами своего звания. Никому еще не случалось носить его в твоём возрасте.

Дик не ответил, а только улыбнулся и покраснел. Капитан Халл понял значение этой улыбки и румянца.

«Какой славный мальчик! – подумал он. – Скромность и бодрость – в этих двух словах весь его характер!»

Судя по прощальным наставлениям, легко было догадаться, что капитан Халл неохотно покидает корабль даже на несколько часов, хотя никакой опасности не предвиделось. Но все-таки сильная страсть охотника и, главное, горячее желание пополнить груз ворвани, чтобы выполнить обязательства Джемса Уэлдона в Вальпараисо, – все это побуждало его отважиться на опасную экспедицию. С другой стороны, спокойное море сулило легкую погоню за китом. Ни команда «Пилигрима», ни сам капитан не могли устоять перед таким искушением. Наконец-то шхуна наполнит свои трюмы – это последнее соображение взяло верх над всем остальным в душе капитана.

Он решительно шагнул к штурмтрапу.

– Счастливой охоты! – напутствовала его миссис Уэлдон.

– Спасибо!

– Пожалуйста, капитан Халл, не делайте больно этому бедному киту! – крикнул маленький Джек.

– Постараюсь, мой мальчик! – ответил капитан Халл.

– Поймайте его тихонько!..

– Да... да... Я надену перчатки, малыш.

– Иногда на спинах этих млекопитающих находят довольно любопытных насекомых! – заметил кузен Бенедикт.

– Что ж, господин Бенедикт, – смеясь, ответил капитан Халл, – никто не помешает и вам поохотиться, когда наш полосатик будет пришвартован к борту «Пилигрима»! – Потом, повернувшись к Тому, он добавил: – Том, я рассчитываю, что вы и ваши товарищи поможете нам разделать тушу, когда мы притащим кита к кораблю, – а это будет скоро.

– К вашим услугам, господин капитан! – ответил старый негр.

– Спасибо! – сказал капитан Халл. – Дик, эти славные люди помогут тебе приготовить пустые бочки. Пока мы будем охотиться, они поднимут бочки на палубу. И когда мы вернемся, работа пойдет быстро.

– Есть, капитан! Будет сделано!

Людям несведущим следует пояснить, что в случае удачной охоты убитого кита предстояло дотянуть на буксире до «Пилигрима» и крепко пришвартовать его к судну с правого борта. Тогда матросы, надев сапоги с шипами на подошвах, должны будут взобраться на спину гиганта, рассечь слой покрывающего его жира на параллельные полосы от головы до хвоста, затем разделить эти полосы поперек на ломти толщиной в полтора фута, разрезать каждый на куски, уложить в бочки и спустить их в трюм.

Обычно китобойное судно по окончании охоты старается поскорее причалить к берегу и там довести до конца обработку туши. Экипаж сходит на берег и приступает к перетапливанию жира: растопившись на огне, китовый жир выделяет всю свою полезную часть, то есть ворвань²⁸.

Но теперь капитан Халл и думать не мог после охоты повернуть обратно к суше, чтобы закончить эту операцию. Он рассчитывал перетопить дополнительно добытый жир только в Вальпараисо. Однако ветер должен был вскоре измениться на западный, и капитан «Пили-

²⁸ При перетапливании китовый жир теряет около трети своего веса. – *Примеч. авт.*

грима» надеялся подойти к американскому побережью недели через три – за такой срок добыча не могла испортиться.

Наступил момент отплытия. Прежде чем лечь в дрейф, «Пилигрим» несколько приблизился к тому месту, где полосатик по-прежнему выдавал свое присутствие, выбрасывая фонтаном струи пара и воды.

Полосатик плавал по обширному водному полю, красному от крохотных рачков, и, поминутно разевая широкую пасть, захватывал при каждом глотке мириады микроскопических существ.

По мнению следивших за ним опытных китобоев, можно было не опасаться, что он попытается скрыться. Это, несомненно, был один из тех китов, которых гарпунщики называют «боевыми».

Капитан Халл перелез через борт и по штормтрапу спустился на нос вельбота.

Миссис Уэлдон, Джек, кузен Бенедикт, Том и его товарищи в последний раз пожелали капитану удачи.

Даже Динго, поднявшись на задние лапы и выставив голову за борт, как будто прощался с экипажем.

Затем все перешли на нос, чтобы не упустить ни одной подробности захватывающей охоты.

Вельбот отчалил, и равномерные сильные взмахи четырех весел быстро погнали его от «Пилигрима».

– Дик, следи за всем, следи хорошенько! – в последний раз крикнул капитан Халл.

– Положитесь на меня, капитан.

– Одним глазом за шхуной, а другим – за вельботом. Не забывай!

– Будет сделано, капитан, – ответил Дик и, подойдя к штурвалу, встал возле него.

Легкое суденышко было уже в нескольких сотнях футов от «Пилигрима». Капитан Халл стоял на носу. Он еще что-то говорил, но голоса его уже не было слышно, и только по выразительным жестам капитана Дик понял, что тот повторяет свои наставления.

В эту минуту Динго, не отходивший от борта, жалобно завыл. Это всегда производит тяжелое впечатление на людей, склонных к суеверию.

Миссис Уэлдон даже вздрогнула.

– Ах, Динго, Динго! – сказала она. – Разве так провожают друзей на охоту! Ну-ка, залай повеселее!

Но Динго замолчал. Сняв лапы с поручней, он медленно подошел к миссис Уэлдон и нежно лизнул ей руку.

– Он не виляет хвостом, – прошептал Том. – Плохой знак!.. Плохой знак!..

Вдруг Динго ошетинился и яростно зарычал.

Миссис Уэлдон обернулась.

Оказалось, что Негоро вышел из камбуза и направился на нос. Его, видимо, заинтересовала предстоящая охота, и он хотел посмотреть на маневры шлюпки.

Динго кинулся к судовому коку, весь дрожа от совершенно явной и непонятной ненависти.

Негоро поднял с палубы вымбовку²⁹ и стал в оборонительную позицию.

Собака бросилась на него и хотела вцепиться ему в горло.

– Динго, сюда! – крикнул Дик Сэнд и, покинув на мгновение свой наблюдательный пост, бросился на бак.

Миссис Уэлдон тоже старалась успокоить собаку.

Динго нехотя повиновался и, глухо рыча, отошел к Дику.

²⁹ Вымбовка – деревянный рычаг для вращения ручного ворота, при помощи которого поднимается якорь.

Негоро не вымолвил ни слова, только сильно побледнел. Бросив на палубу вымбовку, он повернулся и ушел в свою каюту.

– Геркулес! – сказал Дик Сэнд. – Я поручаю вам следить за этим человеком.

– Буду следить, – просто ответил великан, сжимая огромные кулачищи.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд снова обратили взгляд к вельботу, быстро удалявшемуся от судна.

Теперь он казался уже маленькой точкой среди бесконечного моря.

Глава восьмая

Полосатик

Опытный китобой, капитан Халл ничего не хотел оставлять на долю случая. Охота на полосатика – дело трудное, никакие меры предосторожности не могут быть в ней лишними. И капитан Халл не пренебрег ни одной из них.

Прежде всего он приказал рулевому подойти к киту с подветренной стороны, чтобы скрип весел не выдал приближения охотников.

Хоуик повел вельбот вдоль границы красного поля, посреди которого плавал кит. Таким образом охотники должны были его обогнуть.

Боцман был старым, опытным моряком и отличался редким хладнокровием. Капитан Халл знал, что может всецело положиться на своего рулевого: он не растеряется в решительную минуту, быстро и точно выполнит нужный маневр.

– Внимание, Хоуик! – сказал капитан Халл. – Попробуем застать полосатика врасплох. Постарайтесь незаметно подойти на такое расстояние, чтобы можно было уже бросить гарпун.

– Есть, капитан! – ответил боцман. – Я буду держать по краю красного поля, так, чтобы ветер все время был в нашу сторону.

– Ладно! – сказал капитан. – Гребите без шума, ребята! Как можно меньше шума!

Весла, предусмотрительно обитые у вальков кожей, не скрипели в уключинах.

Искусно направляемый боцманом вельбот подошел вплотную к полю красных рачков. Весла правого борта еще погружались в зеленую прозрачную воду, а по веслам левого уже стекали струйки красной, похожей на кровь жидкости.

– Вино и вода, – заметил один из матросов.

– Да, – ответил капитан Халл, – но эта вода не утолит жажды, а вино не напоит пьяным! Ну, друзья, теперь помалкивайте! И приналягте на весла...

Направляемый боцманом Хоуиком вельбот скользил по воде, точно по слою масла – совершенно бесшумно.

Полосатик не шевелился и как будто еще не заметил шлюпки, которая описывала круг, обходя его.

Следуя по этому кругу, вельбот, разумеется, удалялся от «Пилигрима», и корабль казался все меньше и меньше.

Все предметы в океане, когда удаляешься от них, быстро уменьшаются, и это всегда производит странное впечатление – словно смотришь на них в перевернутую подзорную трубу. Оптический обман в данном случае, очевидно, объясняется тем, что на широком морском просторе не с чем сравнивать удаляющийся предмет. Так было и с «Пилигримом» – он уменьшался на глазах с каждой минутой, и казалось, что он находится гораздо дальше, чем это было в действительности.

Через полчаса после того как шлюпка отвалила от корабля, она находилась прямо под ветром от кита, оказавшегося теперь между ней и «Пилигримом».

Настало время подойти поближе к полосатику. Это нужно было сделать бесшумно. Быть может, удастся незаметно подойти к киту сбоку и бросить гарпун с близкого расстояния.

– Медленнее, ребята! – тихо скомандовал гребцам капитан Халл.

– Кажется, наша рыбка что-то учуяла, – сказал Хоуик. – Дышит сейчас не так шумно, как раньше.

– Тише! Тише! – повторил капитан Халл.

Через пять минут охотники были всего в одном кабельтове от кита.

Боцман, стоя во весь рост на корме, направил вельбот так, чтоб подойти к левому боку полосатика, стараясь, однако, держаться в некотором отдалении от страшного хвоста, ибо одного его удара было бы достаточно, чтобы разбить вельбот в щепки.

Капитан Халл стоял на носу, расставив ноги для устойчивости, и держал в руке гарпун. Орудие это, брошенное его ловкой рукой, несомненно должно было глубоко вонзиться в мясистую спину кита, горбом выступавшую из воды.

Рядом с капитаном в бадье лежала первая из пяти бухт линя, крепко привязанная к заднему концу гарпуна. Остальные четыре находились под рукой, чтобы без задержки подвязывать одну к другой, если кит уйдет на большую глубину.

– Готовы? – прошептал капитан Халл.

– Готовы! – ответил Хоуик, крепче сжав рулевое весло.

– Подходи!

Боцман выполнил команду, и шлюпка поравнялась с полосатиком. Их разделяло расстояние едва ли в десять футов.

Полосатик не шевелился и, казалось, спал. Кит, застигнутый во время сна, легко становится добычей охотников. Иногда удается прикончить его с первого удара.

«Странно, что он так неподвижен, – подумал капитан Халл. – Вряд ли эта бестия спит... Нет, здесь что-то кроется!»

Такая же мысль мелькнула и у боцмана Хоуика, который старался заглянуть по другую сторону кита.

Однако времени для размышлений не оставалось: пришла пора действовать.

Держа гарпун за середину древка, капитан Халл несколько раз покачал им, чтобы лучше прицелиться, и затем с силой метнул его в полосатика.

– Назад, назад! – тут же крикнул он.

Матросы, дружно навалившись на весла, рванули вельбот назад, чтобы увернуться от ударов хвоста раненого кита.

И в это мгновение возглас боцмана объяснил причину загадочного поведения полосатика, его долгую неподвижность.

– Китенок! – воскликнул Хоуик.

Раненая самка почти перевернулась на бок, и тогда моряки увидели китенка, которого она кормила.

Капитан Халл знал, что присутствие детеныша делает охоту еще более опасной. Самка, несомненно, будет сражаться с удвоенной яростью, защищая не только себя, но и своего «малыша», если только можно назвать так животное длиной в двадцать футов.

Однако вопреки опасениям капитана Халла полосатик не ринулся сразу на шлюпку, и команде не пришлось рубить привязанный к гарпуну линь, чтобы спастись от разъяренного животного. Наоборот, кит, как это часто бывает, сначала полого нырнул, потом стремительно всплыл и с невероятной быстротой помчался вперед у самой поверхности воды. Детеныш последовал за ним.

Капитан Халл и боцман Хоуик успели рассмотреть кита, прежде чем он нырнул, и оценить его по достоинству.

Полосатик оказался могучим животным длиной не меньше восьмидесяти футов. Желто-коричневая кожа его была испещрена множеством более темных пятен.

Было бы досадно после удачного начала отказаться от такой богатой добычи.

Началось преследование или, вернее, буксирование. Вельбот с поднятыми веслами стрелой несли по волнам.

Хоуик невозмутимо направлял его, несмотря на то что шлюпку отчаянно бросало из стороны в сторону.

Капитан Халл, не спускавший глаз со своей добычи, неустанно повторял:

– Внимание, Хоуик! Внимание!

Но можно было не сомневаться, что и без этого предупреждения боцман был настороже.

Однако вельбот шел намного медленнее кита, и бухта разматывалась с такой скоростью, что можно было опасаться, как бы линь не загорелся от трения о борт лодки. Поэтому капитан Халл все время смачивал линь, наполняя морской водой бадью, в которой лежала бухта.

Полосатик, видимо, не собирался ни останавливаться, ни умерять быстроту своего хода. Второй линь был подвязан к первому и начал разматываться с той же скоростью.

Через пять минут пришлось подвязать третий линь, и он тоже стал уходить в воду.

Полосатик стремглав несся вперед. Очевидно, гарпун не задел каких-нибудь важных для жизни органов. Судя по наклону каната, можно было догадаться, что кит не только не собирается подняться на поверхность, но, наоборот, все глубже и глубже уходит в воду.

– Черт возьми! – воскликнул капитан Халл. – Кажется, эта тварь намерена сожрать все пять бухт!

– И оттащить нас далеко от «Пилигрима», – добавил боцман Хоуик.

– А все-таки ему придется подняться на поверхность, чтобы набрать воздуха, – заметил капитан Халл. – Ведь кит – не рыба: воздух ему нужен так же, как человеку.

– Он задерживает дыхание, чтобы быстрее плыть, – смеясь, сказал один из матросов.

В самом деле, канат продолжал разматываться с прежней быстротой.

К третьему линю вскоре пришлось привязать четвертый, и матросы, уже подсчитывавшие в уме свою долю барыша от поимки кита, немного приуныли.

– Вот проклятая тварь! – бормотал капитан Халл. – Ничего подобного я в жизни не видел! Чертов полосатик!

Наконец и пятая бухта была пущена в дело. Она уже размоталась почти наполовину, как вдруг натяжение каната уменьшилось.

– Хорошо! Хорошо! – воскликнул капитан Халл. – Линь провисает – значит, полосатик устал!

В эту минуту вельбот находился в пяти милях под ветром от «Пилигрима».

Капитан Халл, подняв вымпел на конец багра, дал кораблю сигнал приблизиться. Через мгновение он увидел, как Дик Сэнд с помощью Тома и его товарищей брасопит реи, забирая ветер в паруса.

Но ветер был слабый, он задувал порывами и очень быстро спадал. При этих условиях «Пилигриму» было трудно подойти близко к вельботу, даже если бы ему удалось его догнать.

Тем временем, как и предвидел капитан Халл, полосатик поднялся на поверхность океана подышать. Гарпун по-прежнему торчал у него в боку. Раненое животное несколько минут неподвижно лежало на воде, видимо, дожидаясь детеныша, который, должно быть, отстал во время этой бешеной гонки.

Капитан Халл приказал гребцам налечь на весла, и скоро вельбот снова очутился вблизи полосатика.

Двое матросов сложили весла и так же, как сам капитан, вооружились длинными копьями, которыми добивают раненого кита.

Хоуик осторожно продвигал вельбот, готовый тотчас же отвести его на безопасное расстояние, если кит вдруг ринется на них.

– Внимание! – крикнул капитан Халл. – Цельтесь хорошенько, ребята, бейте без промаха!.. Ты готов, Хоуик?

– Я-то готов, капитан, – ответил боцман, – но меня смущает, что после такого бешеного рывка наш полосатик вдруг затих...

– Мне это тоже кажется подозрительным.

– Надо поостеречься!

– Да. Однако не бросать же охоты! Вперед!

Капитан Халл все больше воодушевлялся.

Шлюпка приблизилась к киту, который только вертелся на одном месте. Детеныша возле него не было, и, может быть, мать искала его.

Вдруг полосатик взмахнул хвостом и сразу уплыл вперед футов на тридцать.

Неужели он снова собирается бежать? Неужели придется возобновить это бесконечное преследование?

– Берегись! – крикнул капитан Халл. – Он сейчас возьмет разгон и бросится на нас. Отходи, Хоуик! Отходи!

И действительно, полосатик повернулся головой к вельботу. Затем, с силой ударяя по воде плавниками, он ринулся на людей.

Боцман, верно рассчитав направление атаки, рванул вельбот в сторону, и кит с разгона проплыл мимо, не задев его.

Капитан Халл и оба матроса воспользовались этим, чтобы всадить копы в тело чудовища, стараясь задеть какой-нибудь жизненно важный орган.

Полосатик остановился, выбросил высоко вверх два окрашенных кровью фонтана и снова ринулся на вельбот, буквально выпрыгивая из воды. Нужно было обладать огромным мужеством, чтобы не потерять головы при виде разъяренного гиганта.

Но Хоуик опять успел отвести вельбот в сторону и уклониться от удара.

В тот миг, когда полосатик проносился мимо вельбота, три копы снова нанесли ему три глубокие раны. Но тут же кит с такой силой ударил своим страшным хвостом по воде, что поднялась огромная волна, как будто внезапно налетел шквал.

Вельбот чуть не перевернулся. Волна переплеснула через борт и наполовину затопила его.

– Ведро! Ведро! – крикнул капитан Халл.

Двое матросов бросили весла и с лихорадочной быстротой стали вычерпывать воду. Тем временем капитан Халл обрубил линь, теперь уже ставший бесполезным.

Нет, обезумевшее от боли животное и не помышляло больше о бегстве. Кит в свою очередь напал сам, и его агония обещала быть ужасной.

В третий раз полосатик повернулся к шлюпке – «лоб в лоб», как сказал бы моряк.

Но теперь отяжелевшее от воды суденышко потеряло подвижность. Как могло оно избежать грозящего удара? Им уже нельзя было управлять, и тем более нельзя было спастись бегством.

Как ни усердно гребли матросы, теперь стремительный полосатик несколькими рывками мог настигнуть шлюпку. Пора было прекратить нападение и подумать о самозащите.

Капитан Халл хорошо это понимал.

При третьей атаке Хоуику удалось только ослабить удар, но не избежать его. Полосатик задел вельбот своим огромным спинным плавником. Толчок был так силен, что Хоуик слетел на дно шлюпки.

– Хоуик! Хоуик! – крикнул капитан Халл, который сам едва удержался на ногах.

– Здесь, капитан! – ответил боцман, вставая.

Но тут он увидел, что при падении переломил кормовое весло посередине.

– Бери другое! – крикнул капитан Халл.

– Есть! – ответил Хоуик.

В эту минуту вода словно закипела, и в нескольких саженях от шлюпки показался детеныш кита.

Полосатик его увидел и стремительно поплыл к нему.

Это могло только увеличить ожесточенность схватки – теперь полосатик должен был сражаться за двоих.

Капитан Халл бросил взгляд в сторону «Пилигрима» и отчаянно замахал вымпелом, привязанным на конце багра.

Но что мог сделать Дик Сэнд такого, чего не сделал уже по первому сигналу капитана? Паруса на «Пилигриме» были поставлены, и ветер начал наполнять их. К несчастью, у шхуны не было мотора, который мог бы ускорить ее ход. Для того чтобы спустить на воду еще одну шлюпку и поспешить с неграми на помощь капитану, понадобилось бы очень много времени, да и сам капитан запретил Дику Сэнду покидать корабль, что бы ни случилось. Все же Дик приказал спустить на воду кормовую шлюпку и повел ее за шхуной на буксире, чтобы капитан и его товарищи могли в случае надобности ею воспользоваться.

В это время, прикрывая своим телом детеныша, полосатик вновь ринулся в атаку. На этот раз он стремительно понесся прямо на шлюпку.

– Внимание, Хоуик! – в последний раз крикнул капитан Халл.

Но боцман теперь был, так сказать, безоружен. Вместо кормового весла, самая длина которого придавала гребку силу, он держал обычное, довольно короткое весло.

Он попытался повернуть вельбот.

Это оказалось невозможным.

Матросы поняли, что погибли. Все они вскочили на ноги и закричали. Быть может, этот ужасный крик донесся до «Пилигрима»...

Страшный удар хвоста подбросил шлюпку, чудовищная сила взметнула ее на воздух. Разломившись на три части, она упала в водоворот, поднятый китом.

Несчастные матросы, хотя все они были тяжело ранены, могли бы еще удержаться на поверхности, если бы ухватились за обломки вельбота.

Именно это и сделал капитан Халл и даже помог боцману Хоуику уцепиться за тот же обломок...

Но кит яростно повернулся, вновь ринулся на них, быть может, в предсмертных судорогах бешено забил хвостом по взбаламученной воде, на которой еще пытались держаться несчастные матросы...

В продолжение нескольких минут не было видно ничего, кроме водяного смерча, брызг и пены.

Когда четверть часа спустя Дик Сэнд, который бросился с неграми в шлюпку, достиг места сражения, там не было уже ничего живого. На поверхности красной от крови воды плавали только обломки шлюпки.

Глава девятая

Капитан Сэнд

Жалость и ужас – вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Халла и пятерых матросов. Эта страшная сцена разыгралась прямо у них на глазах, и они были бессильны помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но еще живых людей и подставить под ужасные удары разъяренного кита корпус корабля!

Океан поглотил капитана Халла и его матросов.

Когда «Пилигрим» подошел наконец к месту их гибели, миссис Уэлдон упала на колени и простерла руки к небу.

– Помолимся! – сказала она.

Маленький Джек, плача, опустился на колени рядом с матерью. Бедный ребенок все понял. Дик Сэнд, Нэн, Том и остальные негры стояли склонив голову. Все повторяли слова молитвы, которую миссис Уэлдон воссылала к Богу, прося его быть милостливым к тем, кто только что предстал перед ним.

Затем миссис Уэлдон, повернувшись к своим спутникам, сказала:

– А теперь, друзья мои, попросим у Всевышнего силы и мужества для нас самих!

Да, им так нужна была помощь Всемогущего, ибо положение их было очень тяжелым.

На их корабле не осталось больше ни капитана, чтобы командовать им, ни матросов, чтобы им управлять. Затерянный среди бескрайнего простора Тихого океана, в сотнях миль от ближайшей земли, он должен был стать беспомощной игрушкой ветров и течений.

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»? Какой еще более злой рок побудил несчастного капитана Халла, обычно такого осторожного и благоразумного, пойти на страшный риск ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удается спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Халла и его сотоварищей была страшным бедствием!

На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды.

Хотя нет. Один остался. Дик Сэнд – младший матрос, юноша пятнадцати лет, почти мальчик.

И он должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры – мать с малым ребенком, и присутствие их еще более осложняло положение.

Правда, было еще пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнить любую команду того, кто стал теперь их капитаном, но ведь они ничего не понимали в морском деле!

Дик Сэнд неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Халла – его покровителя, человека, которого он любил, как отца. Потом он обвел взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, у которого мог бы попросить помощи, содействия или хотя бы доверить ему миссис Уэлдон.

Сам же он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает все, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и ее сын оказались бы в безопасности, и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он был привязан всей душой.

Океан был пустынен. После исчезновения полосатика ничто не нарушало его покоя. Вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают еще далеко на юге, занимаясь промыслом.

Приходилось смотреть опасности прямо в глаза, не приукрашивая свое положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение он примет?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы. Никто не мог бы сказать, какое впечатление произвело на него это непоправимое несчастье. Он с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Если бы кому-нибудь пришла в такую минуту мысль посмотреть на него, то наблюдателя поразило бы равнодушное выражение его лица, на котором не дрогнул ни один мускул. Во всяком случае, он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Теперь Негоро не спеша прошел на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трех шагах от него.

– Вы хотите поговорить со мной? – спросил Дик Сэнд.

– Нет, – холодно ответил кок. – Я хотел бы поговорить с капитаном Халлом, а если его нет, то с боцманом Хоуиком.

– Вы же знаете, что оба они погибли! – воскликнул Дик.

– Кто же теперь командует судном? – нагло спросил Негоро.

– Я! – не колеблясь ответил Дик Сэнд.

– Вы?! – Негоро пожал плечами. – Пятнадцатилетний капитан!

– Да, пятнадцатилетний капитан! – ответил Дик, шагнув к нему.

Негоро попятился.

– Не забывайте этого, – сказала миссис Уэлдон. – Здесь есть только один капитан... капитан Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что он сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотал под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился в свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвел внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Он почувствовал, что как ни тяжела принятая им на себя ответственность, он не вправе от нее уклониться. Глаза всех его спутников были теперь устремлены на него, и, поняв по их взглядам, что он может положиться на этих людей, юноша коротко сказал им, что и они могут положиться на него.

Дик трезво взвесил свои силы.

С помощью Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море.

Еще года четыре или пять, и Дик Сэнд основательно подготовился бы к трудной и увлекательной профессии моряка. Он научился бы обращаться с секстаном – прибором, при помощи которого капитан Халл ежедневно измерял высоту светил. Пользуясь хронометром, указывающим время Гринвичского меридиана, он по разнице во времени высчитывал бы долготу. Солнце было бы его верным советчиком. Луна и планеты говорили бы ему: «Твой корабль находится в такой-то точке океана!» Совершеннейшие и непогрешимые часы, которые ничто не может испортить, в которых циферблатом служит небосвод, а стрелками – звезды, ежедневно докладывали бы ему о времени и о пройденном расстоянии. С помощью астрономи-

ческих наблюдений он мог бы, как это делал капитан Халл, определять с точностью до одной мили место «Пилигрима», курс, по которому он шел, и курс, которого следует держаться.

А Дик Сэнд мог определять место судна лишь приблизительно, руководствуясь компасом и показаниями лага³⁰, с поправками на снос ветром и течением.

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла все, что творилось в душе отважного юноши.

– Спасибо, Дик! – сказала она недрогнувшим голосом. – Капитана Халла больше нет на свете. Весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасешь и корабль и всех нас!

– Да, миссис Уэлдон, – ответил Дик, – с Божьей помощью я постараюсь это сделать.

– Том и его товарищи – славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

– Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. А в бурю... Ну что ж, в бурю мы будем бороться, миссис Уэлдон, и спасем вас, маленького Джека, всех! Я чувствую, что в силах это сделать! – И он повторил: – С Божьей помощью.

– Ты можешь узнать, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? – спросила миссис Уэлдон.

– Это нетрудно, – ответил Дик. – Достаточно взглянуть на карту: капитан Халл вчера нанес на нее наше место.

– А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

– Да. Я буду держать курс на восток, примерно на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

– Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося можно и даже нужно изменить наши первоначальные намерения? Разумеется, «Пилигрим» не пойдет теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт – вот куда ты должен вести судно!

– Конечно, миссис Уэлдон, – ответил Дик. – Да вы не тревожьтесь. Американский континент тянется так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

– В какой стороне он находится? – спросила миссис Уэлдон.

– Вон там... – сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

– Ну хорошо, Дик, придем ли мы в Вальпараисо или в какой-нибудь другой порт – это все равно. Единственная наша цель – добраться до суши!

– И мы доберемся до нее, миссис Уэлдон! – уверенно ответил юноша. – Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы³¹. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст Бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберемся до берега. Поставим все паруса, от грота до кливера, и полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, который знает цену своему кораблю и не сомневается, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения. Он хотел уже стать к штурвалу и позвать своих спутников, чтобы поставить паруса по ветру, но миссис Уэлдон напомнила ему, что прежде всего необходимо выяснить, где находится «Пилигрим».

Действительно, это надо было сделать прежде всего. Дик сбегал в каюту капитана и принес оттуда карту, на которую было нанесено вчерашнее положение судна. Теперь он мог сказать миссис Уэлдон, что «Пилигрим» находится под 43°35' южной широты и 164°13' западной долготы, так как за истекшие сутки они почти не сдвинулись с места.

Миссис Уэлдон склонилась над картой. Она пристально смотрела на коричневую полосу, изображавшую землю по правую сторону океана. Это было побережье Южной Америки,

³⁰ Лаг – прибор для измерения скорости хода судна и пройденного расстояния.

³¹ Каботаж – плавание вдоль берегов и между портами своего государства, без захода в заграничные порты.

огромный барьер, протянувшийся от мыса Горн до берегов Колумбии и отгораживающий Тихий океан от Атлантического. При взгляде на разостланную карту, где умещался весь океан, казалось, что земля совсем близко и пассажирам «Пилигрима» легко будет вернуться на родину. Это обманчивое впечатление неизменно возникает у всех, кто не привык к масштабам морских карт. И, увидев землю на листе бумаги, миссис Уэлдон почти подумала, что и настоящая земля вот-вот предстанет перед ее глазами.

Между тем если бы «Пилигрим» был изображен на этом же листе бумаги в правильном масштабе, он оказался бы меньше самой малой инфузории. И тогда эта математическая точка, не имеющая ощутимого размера, была бы на карте такой же одинокой и затерянной, каким был «Пилигрим» среди бесконечного простора океана.

У Дика не возникло такой иллюзии, как у миссис Уэлдон. Он знал, насколько далека земля, знал, что много сотен миль отделяют ее от корабля. Но это не могло поколебать его решимость. Ответственность, легшая на его плечи, превратила его во взрослого мужчину.

Пришла пора действовать. Нужно было воспользоваться северо-западным ветром, который задувал все сильнее. Противный ветер сменился попутным, и перистые облака, плывшие высоко в небе, предвещали, что спадет он не скоро.

Дик Сэнд позвал Тома и его товарищей.

– Друзья мои, – сказал он, – на «Пилигриме» нет другого экипажа, кроме вас. Без вашей помощи я не могу выполнить ни одного маневра. Вы не моряки, конечно, но у вас умелые руки. Отдайте их на службу «Пилигриму», и мы сумеем управлять им. От этого зависит наше спасение.

– Капитан Дик, – ответил Том, – мои товарищи и я сам охотно станем вашими матросами. В доброй воле у нас недостатка нет. Все, что могут сделать люди под вашим командованием, мы сделаем!

– Хорошо сказано, старина Том! – воскликнула миссис Уэлдон.

– Да, сказано хорошо, но мы должны соблюдать величайшую осторожность, – сказал Дик Сэнд. – Я не пойду ни на какой риск и не стану поднимать лишних парусов. Пусть мы проиграем немного в скорости, зато выиграем в безопасности. Этого требуют от нас обстоятельства. Я буду говорить вам, друзья мои, кто что должен делать. Сам я буду стоять у штурвала, сколько хватит сил. Мне достаточно будет поспать два-три часа, чтобы опять оправиться. Но как ни краток будет мой сон, кому-нибудь из вас придется заменять меня. Том, я обучу вас, как вести корабль по компасу. Это не так уж трудно, и при желании вы быстро научитесь держать судно на курсе.

– Как прикажете, капитан Дик, – ответил старый негр.

– Хорошо, – сказал юноша. – Пойдите до вечера со мной у штурвала, и если я свалюсь от усталости, вы сегодня же с успехом замените меня на несколько часов.

– А я? – спросил маленький Джек. – Разве я ничем не могу помочь моему другу Дику?

– Разумеется, дорогой мальчик! – ответила миссис Уэлдон, прижимая Джека к груди. – Тебя тоже научат управлять судном, и я уверена, что, когда ты будешь стоять у штурвала, ветер обязательно будет попутный.

– Конечно, мама, конечно! – воскликнул мальчик, хлопая в ладоши. – Я тебе это обещаю!

– Да, – улыбаясь, сказал Дик, – старые моряки говорят, что хороший юнга приносит судну счастье и попутный ветер. – И, обращаясь к Тому и остальным неграм, он добавил: – За дело, друзья! Пошли бросить реи в полный бакштаг³². Я покажу, что делать, а вы только выполняйте мои указания.

– Приказывайте, капитан Сэнд, – сказал Том, – мы готовы!

³² *Бакштаг* – курс, когда ветер дует в корму корабля немного сбоку. Быстрее всего парусные суда ходят в бакштаг.

Глава десятая

Следующие четыре дня

Итак, Дик Сэнд стал капитаном «Пилигрима». Не теряя времени, он решил поднять все паруса.

Само собой разумеется, что у пассажиров было только одно желание: поскорее добраться если не до Вальпараисо, то хотя бы до какого-нибудь другого порта на американском побережье. Дик Сэнд намеревался следить за направлением и скоростью хода «Пилигрима» и, вычислив среднюю скорость, наносить ежедневно на карту пройденный путь. Для этого достаточно было располагать компасом и лагом.

На судне как раз имелся патент-лаг с вертушкой и циферблатом. Стрелка на циферблате показывала скорость движения судна в течение какого-нибудь определенного промежутка времени. Патент-лаг мог сослужить большую службу: он был весьма прост, и обучить пользоваться им даже неопытных новых матросов «Пилигрима» было нетрудно.

Но оставался один неустрашимый источник ошибок – это океанские течения. Счисление³³ тут бессильно, и лишь астрономические наблюдения позволяют определить точное место судна в открытом море. Но к несчастью, молодой капитан еще не умел делать астрономических наблюдений.

Сперва у Дика Сэнда мелькнула мысль отвести «Пилигрим» обратно к берегам Новой Зеландии. Этот переход был бы короче. Вероятно, Дик так бы и поступил, если бы ветер, дувший все время навстречу судну, не сменился вдруг попутным. Теперь легче было продолжать путь к Америке.

Ветер переменял направление почти на противоположное: теперь он дул с северо-запада и как будто крепчал. Этим следовало воспользоваться, чтобы пройти при попутном ветре как можно дальше.

Дик Сэнд намеревался идти в полный бакштаг.

На топсельной шхуне фок-мачта несет четыре прямых паруса: фок – на мачте, выше – марсель на стеньге, затем на брам-стенге брамсель и бом-брамсель.

Грот-мачта несет меньше парусов: только косой грот, а над ним – топсель.

Между этими двумя мачтами на штангах, которые поддерживают грот-мачту спереди, можно поднять еще три яруса косых парусов-стакселей.

Наконец, над бушпритом – наклонной мачтой, торчащей впереди носа, – поднимают три кливера.

Кливер, стаксели, косой грот и топсель можно ставить и убирать прямо с палубы, так как они не подтянуты к реям сезнями, которые надо предварительно отдать.

Но постановка парусов на фок-мачте требует больше морской сноровки. Для того чтобы произвести какой-нибудь маневр с этими парусами, нужно взобраться по вантам на стеньгу, брам-стенгу или бом-брам-стенгу этой мачты. Лазать на мачту приходится не только для того, чтобы поставить или убрать парус, но и тогда, когда нужно уменьшить площадь, которую парус подставляет ветру, – «взять рифы³⁴», как говорят моряки. Поэтому матросы должны уметь бегать по пертам – канатам, свободно подвешенным вдоль реев, – и работать одной рукой, держась другой: это очень опасно, особенно для непривычных людей. Не говоря уже о бортовой и килевой качке, которая ощущается тем сильнее, чем выше матрос поднимается на мачты, порыв мало-мальски свежего ветра, внезапно наполнившего паруса, может сбросить матроса за борт. Такая работа была очень опасна для Тома и его товарищей.

³³ Счисление – вычисление места корабля по его курсу и скорости.

³⁴ Рифы (точнее – риф-сезни) – ряды продетых сквозь парус завязок, посредством которых можно уменьшить его площадь.

К счастью, ветер дул с умеренной силой. На море не успело еще подняться волнение, и качка была невелика.

Когда Дик Сэнд, по сигналу капитана Халла, повел «Пилигрим» к месту катастрофы, на судне были подняты грот, кливер, фок и марсель. Чтобы выйти из дрейфа, нужно было перебрасовать все паруса на фок-мачте. Негры без особого труда помогли ему в этом маневре.

Теперь оставалось только повернуть корабль, чтобы он шел в полный бакштаг, и поднять брамсель, бом-брамсель, топсель и стаксели.

– Друзья мои, – сказал молодой капитан пяти неграм, – делайте то, что я вам прикажу, и все пойдет замечательно.

Сам он продолжал стоять у штурвала.

– Том, отдайте брасы! – крикнул он.

– Отдать? – недоуменно переспросил Том, не поняв этого выражения.

– Ну да... отвяжите его! И вы, Бат, делайте то же самое!.. Так, хорошо! Теперь вытягивайте! Выбирайте... выхаживайте... Ну, в общем, тяните!

– Вот так? – спросил Бат.

– Да, да! Очень хорошо! Геркулес, ваша очередь! Ну-ка, понатужьтесь, здесь нужна сила!

Просить Геркулеса «понатужиться» было по меньшей мере неосторожно: великан ничтоже сумняшеся рванул снасть с такой силой, что чуть не оторвал ее совсем.

– Не так сильно! – закричал Дик Сэнд, улыбаясь. – Этак вы свалите мачту!

– Да ведь я только чуть-чуть потянул, – оправдывался Геркулес.

– Вот что, Геркулес: вы уж лучше только притворяйтесь, что тянете. Увидите, этого будет достаточно... Внимание, друзья! Потравите еще... Ослабьте!.. Так... Крепите... Да крепите же!.. То есть привязывайте! Так, так! Хорошо! Дружнее! Выбирайте... то есть тяните брасы!..

И все паруса фок-мачты, у которых с левой стороны брасы были отданы, медленно повернулись. Ветер наполнил их, и судно двинулось вперед.

Затем Дик велел вытравить шкоты кливера и созвал после этого негров на корме.

– Отлично работали, друзья мои! – похвалил Дик Сэнд матросов. – А теперь займемся грот-мачтой. Только смотрите, Геркулес, ничего не рвите и не ломайте.

– Я постараюсь, – ответил великан, не решаясь ничего твердо обещать.

Этот второй маневр также был нетруден. Гикашкот был слегка отпущен, грот повернулся под нужным углом; он сразу наполнился ветром, и его мощное действие прибавилось к действию передних парусов.

Затем над гротом подняли топсель, и так как он был просто взят на гитовы, достаточно было подобрать фал и выбрать галс, а затем закрепить их³⁵. Но Геркулес и его друг Актеон, не считая маленького Джека, взявшегося помогать им, выбирали фал с такой силой, что он лопнул.

Все трое опрокинулись навзничь, к счастью, не причинив себе ни малейшего вреда. Джек был в восторге!

– Ничего, ничего! – крикнул молодой капитан. – Свяжите пока фал и тяните, только послабее!

Наконец все было сделано надлежащим образом, и Дик Сэнду не пришлось даже отойти от штурвала. Теперь «Пилигрим» быстро шел на восток, и оставалось лишь следить за тем, чтобы судно не отклонялось от курса. Это было проще простого, так как ветер был умеренный и судно не рыскало.

– Отлично, друзья мои, – сказал Дик Сэнд. – Вы станете настоящими моряками еще до того, как кончится наше плавание.

³⁵ *Гитовы* – снасти, служащие для подтягивания парусов; *фал* – снасть для подъема парусов; *галс* – снасть для закрепления нижнего наветренного угла нижних парусов; *выбирать* – тянуть, подтягивать.

– Мы постараемся, капитан Сэнд, – ответил за всех старый Том.

Миссис Уэлдон тоже похвалила старательных матросов.

Свою долю похвал получил и маленький Джек: ведь он потруился на славу.

– Мне кажется, Джек, что это ты оборвал фал, – улыбаясь, сказал Геркулес. – Какие у тебя сильные ручонки! Не знаю, что бы мы делали без тебя!

И маленький Джек, очень довольный собой, крепко потряс руку своего друга Геркулеса.

Однако «Пилигрим» нес еще не все паруса. Не были подняты брамсель, бом-брамсель и стаксели. А между тем при ходе в бакштаг они могли значительно ускорить ход «Пилигрима». Дик Сэнд решил поднять и их.

Если стаксели можно было поставить без особенного труда, прямо с палубы, то с прямыми парусами фок-мачты дело обстояло хуже: чтобы поднять их, нужно было взобраться на реи, и, не желая подвергать риску никого из своей неопытной команды, Дик Сэнд сам занялся этим делом.

Он подозвал Тома, передал ему штурвал и показал, как следует вести судно. Затем, поставив Геркулеса, Бата, Актеона и Остина у фалов брамселя и бом-брамселя, он полез на мачту. Взобраться по выбленкам вант фок-мачты, вскарабкаться на марс, добраться до рея для Дика было сущей игрой. Подвижный и ловкий юноша мигом побежал по пертам брам-рея и отдал сезни, подтягивающие брамсель.

Потом он перебрался на бом-брам-рей³⁶ и быстро распустил парус.

Покончив с этим делом, Дик Сэнд соскользнул по одному из фордунов³⁷ правого борта прямо на палубу.

Здесь по его указанию матросы растянули оба паруса, то есть притянули их шкотами за нижние углы к нокам³⁸ нижележащих реев, и прочно закрепили шкоты. Затем были поставлены стаксели между грот-мачтой и фок-мачтой, и этим кончилась работа по подъему парусов.

Геркулес на этот раз ничего не разорвал.

«Пилигрим» шел теперь на всех парусах. Конечно, Дик мог поставить еще левые лисели фок-мачты, но при таких условиях их было трудно ставить и еще труднее было бы быстро убрать в случае шквала. Поэтому молодой капитан решил ограничиться уже поднятыми парусами.

Том получил разрешение отойти от штурвала, и Дик Сэнд снова стал на свое место.

Ветер свежел. «Пилигрим», слегка накренившись на правый борт, быстро скользил по морю. Плоский след, оставляемый им на воде, свидетельствовал об отличной форме подводной части судна.

– Вот мы и легли на нужный курс, миссис Уэлдон, – сказал Дик Сэнд. – Только бы, дай Бог, удержался попутный ветер!

Миссис Уэлдон пожала руку юноше. Потом, ощутив вдруг сильную усталость от всех пережитых за последние часы волнений, она ушла в свою каюту и впала в тяжелое забытие, которое трудно назвать сном.

Новая команда шхуны осталась на палубе. Матросы несли вахту на баке, готовые по первому слову Дика Сэнда выполнить любую работу, переставить паруса. Но пока сила и направление ветра не изменились, им нечего было делать.

А чем же занят был в это время кузен Бенедикт?

Кузен Бенедикт изучал при помощи лупы насекомое, которое ему наконец удалось разыскать на борту «Пилигрима», простое прямокрылое с головой, прикрытой выступающим краем

³⁶ Бом-брам-рей – четвертый снизу рей на мачте.

³⁷ Фордуны – снасти, оттягивающие верхние части мачт и стеньги к борту судна.

³⁸ Ноки – оконечности реев.

переднеспинки, с плоскими надкрыльями, округлым брюшком и довольно длинными крыльями, принадлежащее к отряду тараканов и к виду американских тараканов.

Кузену Бенедикту посчастливилось сделать эту находку в камбузе. Он подросел как раз вовремя: Негоро только что занес ногу, чтобы безжалостно раздавить указанное насекомое. Ученый с негодованием обрушился на португальца. Это, впрочем, не произвело на последнего никакого впечатления.

Знал ли кузен Бенедикт, какие изменения произошли на борту корабля после того, как капитан Халл и его спутники отправились на злополучную охоту за полосатиком? Конечно, знал. Больше того: он был на палубе, когда «Пилигрим» подошел к месту катастрофы, где еще плавали обломки разбитого вельбота. Следовательно, экипаж корабля погиб на его глазах.

Утверждать, что эта катастрофа не огорчила его, значило бы обвинить кузена Бенедикта в жестокосердии. Чувство сострадания не было ему чуждо, он жалел несчастных охотников. Он был огорчен и тем, что его кузина оказалась в таком тяжелом положении. Он подошел к миссис Уэлдон и пожал ей руку, как бы говоря: «Не бойтесь! Я здесь! У вас остался я!»

Затем он вернулся в свою каюту – несомненно, чтобы хорошенько обдумать последствия этой катастрофы и наметить план энергичных действий.

Но по дороге он наткнулся на упомянутого уже таракана, и поскольку кузен Бенедикт мечтал доказать, что, вопреки мнению некоторых энтомологов, нравы тараканов, принадлежащих к роду фораспеев, замечательных своей окраской, совершенно отличны от нравов тараканов обыкновенных, он тут же принялся за исследование, мгновенно позабыв, что на свете существует шхуна «Пилигрим», что ею командовал капитан Халл и что этот несчастный погиб вместе со всем своим экипажем. Таракан полностью завладел его вниманием. Он любовался им так, словно это противное насекомое было сделано из золота.

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя еще долго все оставались под впечатлением страшной и неожиданной катастрофы.

В первый день Дик Сэнд буквально разрывался на части, чтобы всюду поспеть и быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры усердно исполняли все его распоряжения. На борту «Пилигрима» царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше все пойдет хорошо.

Негоро не пытался больше оспаривать власть Дика Сэнда. Казалось, он безмолвно признал его капитаном. Он по-прежнему много времени проводил в своем тесном камбузе и редко выходил на палубу. Со своей стороны, Дик Сэнд твердо решил посадить Негоро под арест в трюм на все время плавания при малейшей его попытке нарушить дисциплину. По первому знаку молодого капитана Геркулес схватил бы кока за шиворот и отнес бы его в трюм. Это не заняло бы много времени. Старая Нэн, которая умела готовить, могла бы заменить его в камбузе. Очевидно, Негоро понимал, что без его услуг прекрасно могут обойтись, и, чувствуя, что за ним зорко следят, не желал навлекать на себя никаких нареканий.

Хотя к вечеру ветер усилился, «Пилигрим» мог идти под теми же парусами. Крепкие мачты корабля, железные поковки на них, хорошее состояние всей оснастки позволяли нести эти паруса даже и при более сильном ветре.

К ночи на кораблях обычно уменьшают парусность, убирая верхние паруса – брамсели, бом-брамсели и топсели. Это очень разумно, так как тогда кораблю не страшны внезапные шквалы. Но Дик Сэнд решил не принимать этих мер предосторожности: погода не предвещала никаких неприятных неожиданностей, а молодой капитан намеревался провести всю эту первую ночь на палубе и лично следить за всем. Кроме того, ему не хотелось уменьшать скорости судна, пока они не выбрались из этой пустынной части океана.

Мы уже упоминали, что лаг и компас были единственными приборами, которыми Дик Сэнд мог пользоваться для приблизительного определения пути, пройденного «Пилигримом».

Молодой капитан приказал бросать лаг каждые полчаса и записывал показания прибора.

Что касается компасов, то на борту их было два: один был установлен в нактоузе³⁹, прямо перед рулевым. Его картушка, которую днем освещало солнце, а ночью две боковые лампы, в любой момент указывала курс судна, то есть направление его движения.

Второй компас был укреплен в перевернутом положении к потолку каюты, которую занимал раньше капитан Халл. Таким образом, капитан, не выходя из каюты, всегда мог знать, ведет ли рулевой корабль точно по заданному курсу или, напротив, по неопытности или вследствие небрежности позволяет ему излишне рыскать.

Собственно, все суда, совершающие дальние плавания, обычно имеют не меньше двух компасов, а также двух хронометров. Время от времени приходится сличать показания этих приборов, чтобы удостовериться, исправны ли они.

«Пилигрим», как мы видим, не отставал в этом отношении от других судов, и Дик Сэнд приказал своему экипажу очень беречь оба компаса, которые были ему так необходимы.

Но в ночь с 12 на 13 февраля, когда юноша нес вахту у штурвала, случилась досадная неприятность. Компас, висевший в капитанской каюте на медном кольце, сорвался и упал на пол. Заметили это только на следующее утро.

Каким образом сорвалось кольцо? Никто не мог этого объяснить. Оставалось только предположить, что оно было уже изношено и при толчке бортовой или килевой качки обломилось. Ночью как раз было довольно сильное волнение. Но так или иначе, второй компас разбился, и починить его было невозможно.

Дик Сэнд очень огорчился. Теперь он вынужден был полагаться на показания компаса в нактоузе. Несомненно, никто не был виноват в том, что второй компас разбился, и все же это могло иметь весьма неприятные последствия. Дик Сэнд принял все возможные меры к тому, чтобы оградить последний компас от всяких случайностей.

Если не считать этого происшествия, на «Пилигриме» все обстояло благополучно.

Видя, что Дик спокоен, миссис Уэлдон снова поверила в счастливый исход путешествия. Впрочем, она никогда не поддавалась отчаянию, ибо прежде всего полагалась на милость неба и черпала душевную бодрость в искренней вере и молитве.

Дик Сэнд распределил время так, что на его долю выпали ночные вахты у штурвала. Днем он спал пять-шесть часов, и, по-видимому, этот недолгий сон восстанавливал его силы – особой усталости он не чувствовал. Когда молодой капитан отдыхал, у штурвала стояли Том или его сын Бат. Благодаря помощи Дика они мало-помалу становились неплохими рулевыми.

Миссис Уэлдон часто беседовала с Диком. Он очень ценил советы этой отважной и умной женщины. Каждый день он показывал ей на карте пройденный «Пилигримом» за сутки путь, определяя его лишь по направлению судна и средней скорости его хода.

– Вот видите, миссис Уэлдон, – говорил он, – при таком попутном ветре перед нами скоро откроются берега Южной Америки. Я не решаюсь утверждать, но очень надеюсь, что мы окажемся тогда близ Вальпараисо.

Миссис Уэлдон не сомневалась, что «Пилигрим» держит правильный курс и что попутный северо-западный ветер несет его к намеченной цели. Но каким еще далеким казался берег Америки! Сколько опасностей подстерегало судно на пути к суше, даже не считая тех перемен, какими грозят и небо и море!

Беспечный, как все дети его возраста, Джек опять начал играть и бегать по палубе, возиться с Динго. Он замечал, конечно, что Дик уделяет ему теперь меньше времени, чем прежде, но миссис Уэлдон объяснила сыну, что не следует отрывать Дика от работы, и послушный мальчик не приставал к «капитану Сэнду».

³⁹ *Нактоуз* – деревянный шкафчик, в котором устанавливается судовой компас; сверху он закрывается медным колпаком, под которым укреплены лампы.

Так текла жизнь на борту «Пилигрима». Негры все лучше усваивали свое новое матросское ремесло и неплохо справлялись с делом. Старый Том выполнял обязанности боцмана, и, несомненно, сотоварищи сами выбрали бы его на эту должность. В те часы, когда молодой капитан отдыхал, Том был начальником вахты, и вместе с ним дежурили Бат и Остин; Актеон и Геркулес составляли вторую вахту под начальством Дика Сэнда. Таким образом, каждый раз один стоял у штурвала, а двое других несли вахту на носу.

Хотя судно находилось в пустынной части океана и здесь можно было не опасаться столкновения с встречным кораблем, Дик Сэнд требовал от вахтенных внимания и бдительности. С наступлением темноты он приказывал зажигать ходовые огни: зеленый фонарь на правом борту и красный на левом – требование, конечно, вполне разумное.

Иногда в течение тех ночей, которые Дик Сэнд проводил у штурвала, он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость. Рука его поворачивала штурвал почти инстинктивно. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала свое.

В ночь с 13 на 14 февраля Дик вынужден был отдохнуть несколько часов. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру похолодало, и они спустились очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Фонари ходовых огней были обращены к горизонту, и палуба судна оставалась погруженной в темноту.

Около трех часов ночи со старым Томом, утомленным долгой вахтой, случилось что-то похожее на гипнотический сон: глаза его, слишком долго смотревшие на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте.

Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ушибнули, он, вероятно, тоже ничего не почувствовал бы. И потому он не заметил, что по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Подкравшись к компасу, судовой кок подложил под нактоуз какой-то тяжелый предмет, который он держал в руке. Несколько секунд он смотрел в нактоуз на освещенную картушку, а затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его.

Это был железный брусок, под влиянием которого показания компаса изменились. Вместо того чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое лишь немного отличается от направления на истинный полюс, стрелка указывала теперь на северо-восток. Отклонение это достигло четырех румбов⁴⁰, то есть половины прямого угла.

Через мгновение Том очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось – могло ли быть иначе? – что «Пилигрим» отклонился от курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором он, конечно, и не подозревал, курс корабля, измененный на четыре румба, лег теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим», продолжая идти вперед с прежней скоростью, уклонился от заданного курса на 45°.

⁴⁰ Румб – 1/32 доля окружности, то есть 11°15'.

Глава одиннадцатая

Буря

За всю следующую неделю, с 14 по 21 февраля, на судне не произошло ничего примечательного. Северо-западный ветер понемногу крепчал, и «Пилигрим» быстро продвигался вперед, делая в среднем по сто шестьдесят миль в сутки. Большого и нельзя было требовать от судна такого тоннажа.

Дик Сэнд предполагал, что шхуна приближается к водам, по которым проходят транс-океанские пароходы, поддерживающие пассажирское сообщение между двумя полушариями. Он надеялся встретить один из таких пароходов и твердо решил либо переправить на него своих пассажиров, либо получить с него временное подкрепление из нескольких матросов, а может быть, и офицера. Но как ни всматривался он в даль, нигде не было видно ни одного судна. Море по-прежнему оставалось пустынным.

Это не могло не удивлять Дика Сэнда. Он участвовал уже в трех дальних плаваниях на китобойных судах и много раз пересекал эту часть Тихого океана, где, по его расчетам, находился сейчас «Пилигрим». При этом он неизменно встречал то американское, то английское судно, которые либо шли от мыса Горн к экватору, либо направлялись к этой крайней южной оконечности Американского континента.

Но Дик Сэнд не знал и не мог даже подозревать, что сейчас «Пилигрим» находится в более высоких широтах, то есть гораздо южнее, чем он предполагал.

Это обуславливалось двумя причинами.

Во-первых, местные течения, скорость которых Дик Сэнд мог оценить лишь очень приблизительно, незаметно, но непрерывно сносили корабль в сторону от курса.

Во-вторых, компас, испорченный преступной рукой Негоро, давал неправильные показания, а Дик Сэнд не мог их проверить, так как второй компас был сломан. Поэтому хотя молодой капитан считал – и не мог не считать, – что ведет судно на восток, в действительности он вел его на юго-восток! Компас всегда был перед его глазами. Лаг регулярно бросали. Эти два прибора позволяли приблизительно определять число пройденных миль и более или менее точно вести судно по курсу. Но достаточно ли этого было?

Дик Сэнд всячески старался внушить бодрость миссис Уэлдон, которая иногда тревожилась из-за последних неприятных случайностей.

– Мы доплывем, мы доплывем, – говорил он ей. – Мы доберемся до американского побережья. Не так уж важно, в каком месте, но мимо пройти мы не можем.

– Я не сомневаюсь в этом, Дик!

– Конечно, миссис Уэлдон, я был бы куда спокойнее, если бы вас не было на борту и мне приходилось бы думать только о нас, но...

– Но если бы меня не было на борту, – отвечала миссис Уэлдон, – если бы кузен Бенедикт, Джек, Нэн и я не плыли на «Пилигриме» и если бы вы не выбрали в море Тома и его товарищей, то вас было бы тут только двое – ты и Негоро!.. Что было бы с тобой, если бы ты остался один с этим злым человеком, которому ты не можешь доверять? Да, мой мальчик, что с тобой было бы?

– Я начал бы с того, – решительно сказал юноша, – что лишил бы Негоро возможности вредить...

– И один управился бы с судном?

– Да, один... с помощью Божьей.

Твердый и решительный тон юноши успокаивал миссис Уэлдон. И все же она не могла отделаться от тревожного чувства, когда смотрела на своего маленького сына. Мужествен-

ная женщина старалась ничем не проявлять своего беспокойства, но как щемило материнское сердце от тайной тоски!

Однако если молодой капитан не обладал еще достаточными навигационными знаниями, чтобы определять место своего корабля в море, у него было чутье истого моряка и «чувство погоды». Вид неба, с одной стороны, и показания барометра – с другой, позволяли ему наперед подготовиться к изменениям ветра. Капитан Халл, хороший метеоролог, научил его пользоваться этим инструментом, предсказания которого на редкость точны.

Мы вкратце расскажем здесь, как надо вести наблюдения с помощью барометра⁴¹.

«1. Когда после достаточно долгого периода хорошей погоды барометр начинает быстро и непрерывно падать – это верный признак дождя. Однако если хорошая погода стояла очень долго, ртутный столбик может опускаться два-три дня, раньше чем в атмосфере произойдут сколько-нибудь заметные изменения. В таких случаях чем больше времени прошло между началом падения ртутного столба и началом дождей, тем дольше будет держаться дождливая погода.

2. Если, наоборот, во время долгого периода дождей барометр начнет медленно, но непрерывно подниматься, можно с уверенностью предсказать наступление хорошей погоды, и эта хорошая погода удержится тем дольше, чем больше времени прошло между началом подъема ртутного столба и первым ясным днем.

3. В обоих случаях, если погода изменится сразу после начала подъема или падения ртутного столба, это изменение будет весьма непродолжительным.

4. Если барометр медленно, но непрерывно поднимается в течение двух-трех дней и дольше, это предвещает хорошую погоду, хотя бы все эти дни и лил не переставая дождь, и *vice versa*⁴². Но если барометр медленно поднимается в дождливые дни, а с наступлением хорошей погоды начинает падать, – хорошая погода удержится очень недолго, и *vice versa*.

5. Весной и осенью быстрое падение барометра предсказывает ветреную погоду. Летом, если погода стоит жаркая, оно предсказывает грозу. Зимой, после продолжительных морозов, быстрое падение ртутного столба говорит о предстоящей перемене направления ветра, сопровождающейся оттепелью и дождем, но повышение ртутного столба во время продолжительных морозов предвещает снегопад.

6. Частые колебания уровня ртутного столба, то поднимающегося, то падающего, ни в коем случае не следует рассматривать как признак приближения длительного периода сухой либо дождливой погоды. Только постепенное и медленное падение или повышение ртутного столба предвещает наступление долгого периода устойчивой погоды.

7. Когда в конце осени, после долгого периода ветров и дождей, барометр начинает подниматься, это предвещает северный ветер и наступление морозов».

Таковы общие выводы, которые можно сделать из показаний этого ценного прибора.

Дик Сэнд отлично знал эти правила и за время своей жизни на море много раз убеждался, насколько они верны, а потому мог заранее подготовиться ко всем переменам погоды.

И вот 20 февраля показания барометра начали беспокоить молодого капитана, и он несколько раз в день подходил к прибору, чтобы записать его показания. Дело в том, что барометр начал медленно и непрерывно падать. Это означало дождь; но так как дождь все не начинался, Дик Сэнд пришел к выводу, что дурная погода продержится долго. Действительно, этого и следовало ожидать.

⁴¹ Извлечено из «Иллюстрированного словаря» Ворпьера. – *Примеч. авт.*

⁴² Наоборот (*лаж.*)

Но начало дождя означало и начало ветра; и в самом деле, к этому дню ветер посвежел настолько, что скорость его достигла шестидесяти футов в секунду, то есть тридцати одной мили в час⁴³.

Молодому капитану пришлось принять некоторые меры предосторожности, чтобы ветер не повредил парусов и мачт «Пилигрима».

Он уже велел убрать бом-брамсель, топсель и кливер, а теперь приказал еще опустить брамсель и взять два рифа на марселе.

Этот последний маневр нелегко было выполнить с таким неопытным экипажем. Но отступить было нельзя, и действительно никто не отступил.

Дик Сэнд в сопровождении Бата и Остина взобрался на рей и, правда не без труда, убрал брамсель. Если бы падение барометра не было таким зловещим, он оставил бы на мачте оба рея. Но теперь, предвидя, что ему придется облегчить эту мачту, а может быть, и снять ее совсем, он спустил их и уложил на палубе. Ведь вполне понятно, что при урагане нужно уменьшить не только площадь парусов, но и площадь самой мачты. Это очень помогает судну – ведь чем меньше высоко расположенный груз, тем легче оно переносит сильную качку.

Когда работа была закончена – а она отняла около двух часов, – Дик Сэнд и его помощники взяли два рифа на марселе. У «Пилигрима» не было двойного марселя, какой ставят теперь на большинстве судов, и это облегчило их задачу. Экипажу пришлось, как в старину, бегать по пертам, ловить хлопающий по ветру конец паруса, притягивать его и затем уже накрепко привязывать линиями. Работа была трудная, долгая и опасная, но в конце концов площадь марселя была уменьшена, и шхуна пошла ровнее.

Дик Сэнд, Бат и Остин спустились на палубу. Теперь «Пилигрим» был подготовлен к плаванию и при очень свежем ветре.

В течение следующих трех дней – 20, 21 и 22 февраля – ни сила, ни направление ветра заметно не изменились. Однако барометр неуклонно падал, и двадцать второго Дик отметил, что он стоит ниже двадцати восьми и семи десятых дюйма⁴⁴

⁴³ То есть 57,5 километра. – *Примеч. авт.*

⁴⁴ Шкала английских и американских барометров поделена на дюймы и линии; 28,7 дюйма равняются 728 миллиметрам. – Лрмааж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.